

ПОЛНОЧНОЙ
КОЛОКОЛЪ,

ИЛИ

ТАИНСТВА КОГЕНБУРГ-
СКАГО ЗАМКА,

сочиненіе

АННЫ РАДКЛИФЪ.

„Ахъ! — для чего мгновенная улыбка юнаго сердца человеческого бываетъ всегда признакомъ колдовской судьбины его! „ —

ЧАСТЬ ЧЕТВЕРТАЯ.

Переводъ съ Французскаго.

МОСКВА,

Въ Типографіи С. Селивановскаго ,
1803.

Съ дозволенія
Московскаго Гражданскаго
Губернатора.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ПЕРВАЯ.

„Позвольте мнѣ за вами слѣдовать
„
„
„ Я буду служить вамъ
„ съ вѣрностію до послѣдней ми-
„ нушы жизни моей! „

Икс ли р ъ.

Путешественники наши остановились подвѣ вечерѣ; они положили ночевать на постояломъ дворѣ, къ которому прѣхавши, Альфонзъ принужденъ былъ признаться, что онъ нездоровъ — Его положили въ постель. — Сырая и холодная ночь, въ которую уѣхалъ онъ изъ Смальдартскаго замка; скорой переходъ отъ огорченія къ радости: все сие, соединясь вмѣстѣ, причинило ему горячку гораздо злѣе, чѣмъ въ замкѣ Барона де Смальдартъ. — Жизнь сто шѣмъ болѣе подвергалась опасности, что уже истощены были всѣ силы Альфонзовы. — Графъ Бирсфъ досаждалъ ему всякое вспомошествова-

ме. — Лорета во всю ночь не отходила отъ постели супруга своего; на другой день признаки болѣзни Альфонзовой сдѣлались ужаснѣе. Въ теченіи пяти дней лихорадка часъ отъ часу умножалась и лѣкаръ слабо прерывалъ ее; наконецъ въ шестой день объявилъ о безопасности больного. Лорета не отходила отъ Альфонза; тщетно отъ нее уговаривалъ успокоиться; тщетно представлялъ онъ дурныя послѣдствія, могущія произойти отъ неограниченнаго принужденія: она ничѣмъ не убѣждалась. — Однакожь иногда полагалась она на увѣренія отца своего — ложилась на постель свою, — ложилась и засыпала; но и шумъ страшные грезы возмущали спокойствіе ея — Каждой шорохъ отзывался во глубинѣ встревоженнаго сердца Лореты. — Альфонзъ скоро попросилъ пищи; хозяйка постоялаго двора была тогда въ кухнѣ и варила ему пищу. Графъ пошелъ къ ней; сходя съ лѣстницы, услышалъ онъ громкой шумъ нѣсколькихъ голосовъ; вдругъ голоса немного утихли и слышанъ былъ только одинъ — потомъ послѣдовалъ большой смѣхъ: чортъ меня возьми, естлибъ не далъ я всего, чтобъ только умереть, кричалъ одинъ

голосъ. — Графъ отворилъ дверь кухни въ самую ту минуту, когда раздался всеобщій смѣхъ; но какъ изъяснить удивленіе его, когда лишь только показался онъ въ дверь, по челоуѣкъ, котораго лица отъ слабого отраженія лампы, повѣшенной посреди кухни, не могъ онъ различить, вскричалъ — выронилъ изъ рукъ стаканъ вина, поднесши его совсѣмъ ко рту, и подбѣжавъ къ Графу: вы здѣсь, говорилъ онъ ему, обнимая его колѣна. . . здѣсь, сударь. . . Графъ Бирофъ узналъ въ семъ челоуѣкѣ Якова Перлеса — Онъ съ ума сошелъ, кричали двое, сидяще въ той кухнѣ, и смѣхъ увеличился — онъ рехнулся, проворчалъ сквозь зубы хозяинъ — онъ безумной, ему нада кровь пустишь, вскричала болтливая хозяйка. — Восторгъ препятствовалъ нѣсколько минутъ Якову говорить; удивленіе такое же имѣло дѣйствіе надъ Графомъ. — Услужливая хозяйка хотѣла освободить сего послѣдняго отъ наглаго, по мнѣнію ея, незнакомца; но Графъ далъ руку свою Якову, которой съ живостью схватилъ ее и уже готовился ввалишь хозяйкѣ нѣсколько кулаковъ, естли она вмѣшается не въ свое дѣло. — Оскорбленный хозяинъ рѣ-

шился вступить въ брань съ Яковомъ, защищая жену свою; но Графъ спавъ между ими, объявилъ, что принимаетъ большое участие въ Яковъ и слѣдовательно не желаетъ слышать шума: этого довольно было, чтобъ утѣшить ярость хозяина. — Яковъ воспользовался первымъ мгновениемъ всеобщаго молчанія, извѣщая радость свою, нашедши господина; въ восторгъ своемъ называлъ онъ Графа добрейшимъ въ свѣтѣ человекомъ, за исключеніемъ однако же покойнаго отца своего. — Въспомо брани и шума наступило спокойствіе; Яковъ, ухватясь за полу господина своего, ахъ, сударь! кричалъ онъ, какъ могли вы оставить замокъ, не сказавши мнѣ о томъ? — Развѣ сомнѣвались о вѣрности моей? — Нѣтъ! — нѣтъ, я увѣренъ — вы объ этомъ и не думали; чортъ меня возьми, дай мнѣ, что хочешь, я не остался бы въ проклятомъ припонѣ разбойниковъ. Для меня это хуже Басшиліи, сударь; но слава Богу! я васъ нашелъ и теперь ужь васъ не оставлю, а когда не сдержу слова своего; то пусть Кроонзеръ со всюю шайкою своею закабалятъ меня навѣкъ! . . . Хозяинъ съ своей стороны рассказалъ Гра-

фу и всѣмъ бывшимъ въ кухнѣ, что Яковъ шому назадъ часа съ два прибѣжалъ къ нему; онъ спрашивалъ чело-вѣка (я вижу, примолвилъ хозяинъ, обо-рошясь къ Графу, что онъ спрашивалъ васъ); да по лихъ и бѣда, онъ гово-рилъ все розное: то спрашивалъ одно-го васъ, то съ женщиною; а иногда прибавлялъ, что съ вами была и жен-щина и молодой мужчина— однимъ сло-вомъ, онъ говорилъ худымъ Нѣмецкимъ и Французскимъ языкомъ вдругъ, да такими спраннымъ нарѣчьемъ, что ни-чего поняшь не лзя было. . . Твердилъ все о Бастилии; его почли здѣсь всѣ за сумасшедшаго, и мы смѣялись не-мало. — Графъ просилъ хозяина, чтобъ имѣлъ онъ хорошее о Яковѣ попеченіе, обѣщалъ Якову завтра увидѣться и воз-вращился въ комнашу больнаго, мы-сленно восхищаясь, нашедши такимъ чудеснымъ образомъ Якова Перлеша. Будучи честной и доброй малой, онъ мнѣ пригодился, думалъ Графъ Бирсфъ, въ продолженіи остальнаго пушешест-вія. — Не удивительно казалось ему, что чело-вѣкъ, нашедшій способъ бѣ-жать изъ Бастилии, свободно скрылся изъ замка; но шолько любопытство-вадъ онъ знашь выдумку Якова Перле-

ша. — При первыхъ дневныхъ лучахъ, Лорета пришла въ комнату мужа своего; она нашла его спящаго. — Графъ Бирофъ тихими шагами выбрался изъ комнаты зятя своего, оставя дочери нѣжныя для нее попеченія о больномъ мужѣ ея. — Яковъ Перлетъ всцалъ и ожидалъ прихода господина своего; между тѣмъ для препровожденія времени, вспомя старое ремесло свое, сѣлъ на лавку противъ двери и чинилъ балмаки свои, которые ошъ дальней дороги проносились; увидѣвши господина своего, онъ бросилъ работу свою — вскочилъ — схватилъ обѣ руки Графа Бирофа и извѣснялъ, какъ умѣлъ, чувства радости своей — Графъ тронулся, видя такое добросердечіе — тронулся и слезы навернулись на глазахъ его. Какой случай, спросилъ онъ Якова, посадивши его подлѣ себя, — какой случай привелъ тебя сюда? — Нѣтъ, сударь, ошвѣчалъ Яковъ, это не случай, но величайшее благополучіе: убѣжавши изъ замка — пригона разбойниковъ, я рѣшился пройти все государство, весь свѣтъ и не прежде успокоиться, какъ нашедши васъ; видите ли вы, сударь, какъ я счастливъ? — Слава Богу! — Только изъ милости, сударь, прошу

васъ , не покидайте меня , я умру съ
 печали , когда васъ не будетъ со мною !
 — Графъ обѣщался удовлетворить Яко-
 ва , разсказалъ ему причины , побудив-
 шія его оставить замокъ , и обо всѣхъ
 послѣдствіяхъ . — Хорошо , сударь ; но
 какъ же , думаете вы , мнѣ удалось
 лыжи навострить изъ замка ? — Я знаю ,
 ошвѣчалъ Графъ , что ты выдумщикъ
 не послѣдней , шелько понять не могу ,
 какъ могъ ты обмануть всю шайку раз-
 бойниковъ , которыхъ побѣгъ мой дол-
 женъ былъ сдѣлать ошпорожными — не
 такъ ли ? — Точно , сударь ; но вы все
 узнаете : Кроонзеръ прѣхалъ къ намъ
 ночью , сдѣлалъ всеобщее сборище и объ-
 явилъ о смерти Теодоровой , также о
 томъ , что мнимая сестра его была
 дочь ваша ; тутъ пошла разноголосица ;
 иной говорилъ то . — другой иначе ; од-
 накожъ всѣ почти сочли извинитель-
 нымъ побѣгъ вашъ съ дочерью вашею и
 въ одинъ голосъ признали васъ не из-
 мѣнникомъ , а честнымъ человекомъ ;
 скоро все утихло и васъ искашь цере-
 сшали . — Теперь , сударь , спану я го-
 ворить о себѣ : узнавши о побѣгъ ва-
 шемъ , вздумалъ и самъ бѣжать ; и такъ
 объявилъ шоварицамъ своимъ , ешъли
 вы на другой день не возвратишесь ,

но себя убью; они смѣялись надо мною. Назавтра принялъ я видъ на себя огорченнаго челоѣка; когда пришла ночь, многие спрашивали меня, сдержу ли я свое слово? — Не говоря ни слова, пошелъ я ошъ нѣхъ и легъ спать во всемъ плашѣ. — Въ самую глухую полночь, увѣрившись, что товарищи мои всѣ спали, я всталъ и скоро пробѣжалъ мимо караульнаго; прибѣжавши къ пруду, соснящему въ западной сторонѣ ошъ замка, положилъ я тамъ не большой, близъ берега лежащій камень, шляпу и плапокъ мой, самъ какъ кошка вскарабкался на вершину превысокой сосны, бывшей близъ пруда. — Караульной разбойникъ забилъ тревогу; вся шайка вооружилась и прибѣжала къ пруду. — Шляпа и плапокъ мой удосповѣрили ихъ въ той мысли, что я бросился въ прудъ; послѣ долгихъ щещныхъ поисковъ разбойники удалились, мало огорчась своею потерей: — По уходѣ ихъ, я слезъ съ дерева и побѣжалъ, самъ не зная куда. . . . Пришедшій лѣкарь прекратилъ разговоръ сей; Графъ Бирофъ проводилъ его къ Альфонзу — Прежде обѣда еще Яковъ былъ представленъ Лорешъ и Альфонзу; послѣдней принялъ его ласково; а Лореша какъ

такого человека, которому одолжена она спасением жизни отца своего. — Здоровье Альфонзово ежечасно поправлялось, и по уверению лекаря черезъ десять дней больному можно будетъ продолжать путешествіе. — По исшествіи сего времени путешествіе наши, сопровождаемы будучи Яковомъ, отправилась въ путь. Промѣчанія доспойнаго съ ними ничего не случилось до самыхъ тѣхъ поръ, какъ пріѣхали они на поспоной дворъ, отстоящій, какъ отъ замка Когенбургскаго, такъ и отъ домика Графа Фридрика де Когенбурга на одну лю.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ВТОРАЯ.

„Ты шрепещешь! — Ужасные при-
 „зраки воображенія — черныя тѣ-
 „ни мрачной ночи тебя спрощашь:
 „приб. ижея — смѣйся трусосети
 „швоей : все мечша ! . . . „

С е н е к а.

Къ большому удовольствію Альфонза, кошорой не желалъ бышь узнавъ—

въ постояломъ дворѣ перемѣнился хозяинъ и путешественники наши признаны за обыкновенныхъ проѣзжихъ. — Не много спустя послѣ прѣзда, Альфонсъ старался доведши разговоръ о томъ, что болѣе всего занимало мысли его. Скажи пожалуй, говорилъ онъ хозяину, каковъ пошъ замокъ, кошорой опстоишъ отсюда на одну лѣю? — О, сударь! онъ лучшей въ окладкѣ дѣломъ. — Кто живишъ въ немъ? — Никшо! — Кому принадлежишъ онъ? — Фамилии Графовъ Когенбургскихъ. — Для чего же они не живущъ въ немъ? — Ахъ, сударь! они всѣ померли, кромѣ одного брата послѣдняго владѣльца замка, кошорой, говоряшъ, такое чувствовалъ угрызение совѣсти, что . . . что удалился въ монастырь для примиренія съ совѣстью своею. — Какое же сдѣлалъ онъ преешупление? — Я не шакъ давно здѣсь живу, сударь; однакожъ слыхалъ, что онъ живалъ въ маленькомъ, хорошенкомъ своемъ домикѣ, опстоящемъ отсюда на одну лѣю (домикъ сей принадлежишъ теперь Графу Радвельшу, кошорой и живешъ въ немъ), и булучи шарзаемъ завистью, видя богатства брата своего, убилъ его въ Вольфскомъ лѣсу, когда оной

возвращался изъ Вѣны; также многіе утверждають, что онъ собственными же руками убилъ и невѣстку свою и племянника. — Однакожь распустили слухъ, что Графиня съ горести умерла; а сына ея будто бы заблудившейся разсудокъ довелъ до самоубиства; этому никто не вѣритъ; но не имѣя явныхъ уликъ опровергнуть ложь, всѣ молчатъ — Хозя скоро злодѣй самъ себя измѣнилъ; ибо, не проживши въ замкѣ трехъ сутокъ, уѣхалъ и съ тѣхъ поръ ничего объ немъ не слышно но тайна преступленія его скрылась съ нимъ — Оставилъ ли онъ кого въ замкѣ? — Нѣтъ, сударь, никого: объ этомъ замкѣ говорятъ много чудеснаго, будто бы въ немъ поселился какой то духъ; а иные утверждаютъ, сударь, что всякую ночь въ самой часъ полуночи убіенной Графъ звонитъ въ колоколъ . . . Я очень любопытствую сходить въ замокъ . . . — Не совѣтую, сударь — Для чего же? — Всѣ полагають, что духъ тотъ заключенъ въ снѣгахъ замка однимъ мощнымъ чародѣемъ, и при всѣхъ усиліяхъ не можешь оптуда выраться: и шакъ звономъ колокола хочеть онъ приманишь какого нибудь любопытствующаго, открышь ему тай-

ну своего убійства — назвать убійцу
самого и взять съ него ненарушимую
клятву ошмстить смерть его!
Вошъ, сударь, онъ чего никшо не смѣ-
етъ войти въ замокъ — Альфонзъ при-
творно смѣлся; но сказанное хозяи-
номъ пошюлаго двора сдѣлало надъ
нимъ глубокое впечатлѣнїе; онъ почув-
ствовалъ, что не можеть долѣе про-
швишсь любопытшву своему, и для
того объявилъ Графу, шсшю своему,
и Лорешъ о намѣренїи своемъ удосто-
вѣришсь, подлинно ли звонитъ коло-
коль въ замокъ. — Лореша заклїнала су-
пруга своего оставишъ предпрїятїе
свое до другаго дня; Альфонзъ хотя
съ нуждою, однакожъ согласился съ
шѣмъ, чтобъ не препятствовала она
никогда открышъ желаемую имъ шай-
ну. — Не спавши всю ночь, Альфонзъ
всталъ; наполня вображенїе свое
страшными мечтанїями, онъ занимал-
ся всѣми ужасами мрачной ночи: вдругъ
вспоминалъ онъ запрещенїе матери сво-
ей входишъ въ замокъ — вспоминалъ и
повергался въ страшное недоумѣнїе —
Нерѣшимосшъ продолжалась долго: мо-
жеть бышъ, вскричалъ онъ, можеть
бышъ коварность людей разспавляетъ
новыя мнѣ сѣщи; но бышъ шакъ, я иду

въ замокъ— Иду! — Ахъ! Богъ знаетъ, для чего? . . . Стремительно бросаешься онъ въ объятія нѣжной Лорешы; обнимаетъ Графа; проситъ — заклинаетъ— умоляетъ его не оставить дочь свою! . . . Попомъ ушолъ. . . въ замокъ. — Долго Лореша смотрѣла ему въ слѣдъ, долго — очень долго, покъ синющіяся деревья, усаженные по обѣимъ сторонамъ дороги, не скрыли его изъ глазъ ея. — Зная будучи множествомъ одна другой противныхъ мыслей, Альфонсъ свободно пустилъ ѣхавъ лошадь свою; но примѣтя извѣстную ему проселочную дорогу, далъ лошади шпоры и скоро Когенбургской замокъ спалъ въ виду его. Какія различныя чувствованія возмущали тогда духъ Альфонзовъ! — Переѣхавши ровъ, подѣхалъ къ конюшнѣ, гдѣ самъ сѣдлалъ себѣ лошадь утромъ того дня, когда оставялъ онъ замокъ родителя своего. — При напamятованіи о томъ блестящемъ состояніи, въ которомъ находилось мѣсто сіе, шеперь запусшѣвшее, наворачнулись на глазахъ Альфонза горестныя слезы — Сперва выкашилась одна — потомъ другая, и такъ далѣе всѣ по бѣднымъ ланитамъ его; оставивши лошадь въ конюшнѣ, пошелъ прямо къ

дверямъ замка — онѣ были заперты: всѣ усилія остались тщетными — всѣ двери не отпирались. — Альфонзъ побѣжалъ къ попанной двери: та же удача. . . Тогда обошелъ онъ вокругъ замка и забывши, что оной былъ очень высокъ, смотрѣлъ во всѣ окошки, съ шѣмъ, чтобъ въ какое нибудь изъ нихъ влѣзть — Отчаявшись преуспѣть въ своемъ намѣреніи, не могъ однако же Альфонзъ рѣшиться оставить замокъ: долго боролся онъ въ нерѣшимости; наконецъ перемогши самого себя, положилъ возвратиться въ постоялой дворъ, посоветоваться съ Графомъ о шѣхъ мѣрахъ, каковыя оставались ему предпринять — Потомъ попытался съ равною неудачею у всѣхъ дверей, вскочилъ на лошадь и поѣхалъ назадъ. . . . Возвратясь въ постоялой дворъ, рассказалъ онъ со всѣми подробностями случившееся съ нимъ Графу, прося его подать ему полезныя совѣты. Не такъ легко, какъ вы думаете, отвѣчалъ Графъ, совѣтывать въ такомъ случаѣ; двери замка были заперты; но вы не знаете, живетъ ли кто въ немъ или нѣтъ? — Если онъ обитаемъ, то по общему сужденію служилъ убѣжищемъ такому человѣку, кошорой поселясь

въ немъ , хочешъ жить одинъ , и можешъ быть рѣшился онъ ужасно мститьъ тому , кто нарушитъ покой его — Но жлая живъ въ уединеніи , для чего всякую полночь звонитъ онъ въ колоколъ ? — Имѣете ли вы на то вѣрныя доказательства ? — Имѣю: молодой работникъ въ рудокопѣ и хозяинъ здѣшняго поселяго двора утверждаютъ шо. — Они ни разу не слыжали звонъ колокола , а туда же пустое болтаютъ , и вѣроятю , что всѣ тѣ , которые рассказываютъ о семъ со страхомъ , не на чемъ иномъ основывающа , какъ на бабьихъ бредахъ ; повѣрь , что это игра встревоженнаго воображенія . . . Я хочу самъ въ томъ удостовериться , подхватилъ Альфонзъ , и потомъ увижу , что долженъ дѣлать : нынѣшнюю ночь пробуду я близъ стѣнъ замка до самаго того часа , въ которой обыкновенно звонитъ таинственный колоколъ. — Потомъ Альфонзъ увѣрилъ Лорету , что не будетъ искать способовъ проникнуть во внутренность замка . На семъ шо условіи она согласилась , однакожь съ тѣмъ , чтобъ Графъ , отецъ ея , отправился съ Альфонзомъ ; но сей послѣдней объявилъ , что не будетъ покоенъ , ешьли Лореша ошанешся одна.

И такъ положено было Якову Перлешу отправиться съ Альфонзомъ въ полное путешесствіе. — Альфонзъ зналъ, что не можетъ выйти изъ посаженнаго двора безъ вѣдома хозяина, и такъ рѣшился ему объявить, что нынѣшнюю ночь любопытствуетъ слышать колоколъ, о которомъ столько слышался — Хозяинъ, не вѣдая подлинныхъ причинъ, побуждающихъ Альфонза исполнить предпріятіе, употребляя всѣ способы отвращенія его: всѣ доказательства свои основывалъ на одномъ слѣпомъ суевѣрїи; но видя непреклонность Альфонзову, заклиналъ его взять и повѣсить на шею маленькой крестикъ, кошорой, по словамъ его, она лежалъ покойной женѣ его, и что оной нѣкогда поцѣловалъ Папа: слѣдовательно спасительная такая вещь защититъ отъ всей дьявольщины! — Для того, чтобъ не показаться безбожнымъ противу сего человека, Альфонзъ принявши крестъ, повѣсилъ его себѣ на шею. — Въ десять часовъ вечера Альфонзъ и Яковъ вошли пѣшкомъ къ замку. — Яковъ былъ не спусъ днемъ; а ночью каждой свистъ, шорохъ и стѣнь обращали мужественный духъ его въ робость. Графъ Бирофъ, зная шо, не объ-

явилъ ему подлинныхъ причинъ Альфонзова любопытства, касательно полночного колокола, и такъ какъ по счастью ему еще мало наболтали о чудесныхъ таинствахъ Когенбургскаго замка, то нашъ храбрецъ спарался во время дороги поддерживать мужественный свой духъ, швердя ежеминутно, что звонъ колокола ночью все равно, что днемъ. — Альфонзъ съ своей стороны занимаясь размышленіемъ, не былъ расположенъ слушать Якова. — Болѣе половины дороги прошли они въ молчаніи, какъ вдругъ: слышите ли вы, сударь, вскричалъ Яковъ? — Чпо? — Колоколъ — Нѣтъ, мы еще очень далеко отъ замка и слышать его не возможно — Я самъ то же думаю, сударь, и для того спросилъ я васъ, слышите ли вы звонъ? — Тщешно Яковъ силился завести съ Альфонзомъ разговоръ. Взощель мѣсяцъ, сударь, продолжалъ онъ, и порядочно свѣтитъ — Альфонзъ приподнялъ глаза къ небу, потомъ опустилъ ихъ — Знаете ли, сударь, сколько на небѣ звѣздъ? — Не щипали ли вы ихъ когда? — Нѣтъ — И я также, сударь; однакожъ хотѣлъ бы знать, былъ ли такой чудакъ, которой могъ перещитать звѣзды. — Молчаніе — Съ шысячу

будеть, продолжалъ Яковъ; теперъ можно ихъ нащипать до 500, а по бывають такія ночи, что тьма тьмущая, то есть тысячь — тысячь нѣскольکو — Чего? — Звѣздъ, сударь — Яковъ ожидалъ отвѣта; но шщестно! Альфонзъ отвѣчалъ машинально и невнятными Якову словами. — Такое молчаніе показалось Якову ужаснымъ: когда языкъ не помогаль дѣйствию глазъ и слуха его, то воображеніе наполнялось мечтами — Нѣскольکو минушь думаль онъ, чѣмъ бы себя разсѣять; наконецъ нашель одно счастливое средство: я думаю, сударь, что самъ дойду до такого совершенства сочешъ звѣзды, сказалъ онъ Альфонзу — сказалъ и шщасъ началъ щипать по пальцамъ: разъ, два, три и проч: — Онъ былъ восхищенъ изобрѣшеніемъ своимъ: при такомъ заняши вдругъ дѣйствовалъ онъ глазами, языкомъ и ушами. Такимъ образомъ прошелъ онъ третью часть дороги и по причинѣ медленнаго счисленія медленно подвигался онъ, наконецъ уставши бышь астрономомъ, ему показалось мало слышать одинъ свой голосъ; и шакъ оставя счисленіе, искалъ глазами Альфонза, котораго почиталь не въ дальнемъ отъ себя разстояни; но его не

было ; онъ остановился , смотрѣль на всѣ стороны столько , сколько слабый свѣтъ звѣздъ позволялъ ему видѣть ; все тщетно ! Альфонза не видалъ . — Потомъ побѣжалъ по дорогѣ , крича изо всей мочи : эй ! — эй , сударь , остановись ! — постойте , сударь ! — Альфонзъ , не мало не заботясь о томъ , что происходило вокругъ его , нечувствительно опередилъ товарища своего въ то время , когда дѣлалъ онъ астрономическія счисленія ; однакожъ былъ испоргнутъ изъ глубокаго размысленія своего крикомъ Якова ; онъ остановился подождать его , и они скоро къ обоюдному удовольствію соединились . — Тотчасъ послѣдовало объясненіе минутной разлуки ихъ ; Яковъ рѣшился не прерывать разговоръ , которой по счастью начался : сколькихъ въ жизни вашей видали вы , сударь , духовъ , спросилъ Яковъ ? — Ни одного — А , сударь , такъ вы однимъ только видѣли меньше меня : это-то самое и устрашаетъ бытъ въ пошмахъ — Нѣтъ , въ пошмахъ должно имѣть меньше страха — Почему же , сударь ? — Въ пошмахъ ничего видѣть не лзя . — Ахъ , милосливой государь , что вы это говорите , или не знаете , что духи имѣютъ блестящій видъ ? —

Альфонзъ не расположенъ былъ смѣяться надъ глупосшью Якова, ни даже выводить изъ заблужденія его, и такъ рѣшился молчать — Тогда-по Яковъ началъ безконечную о мертвецахъ, домовыхъ, колдунахъ и духахъ; но шолько не долго рассказывалъ онъ: скоро увидѣли они Когенбургской замокъ. Подошедши къ самымъ почти снѣжачъ огромнаго сиренія, сѣли они на маленькомъ дерновомъ возвышеніи, гдѣ Альфонзъ предполагалъ дожидаться звону колокола. — Блѣдная луна выглядывала изъ за густыхъ облаковъ, затмѣвавшихъ лучи его; она освѣщала огромный замокъ, котораго тѣнь распостранялась такъ далеко, что покрывала то мѣсто, гдѣ сидѣли пришедшіе изъ постоялаго двора: впечатлѣніе сей великолѣпной каршины наводило на Якова смущеніе, которое не зналъ онъ, какъ объяснить. Послѣ долгихъ усилій: вошъ славно, сказалъ онъ въ полголоса, если ли когда придется мнѣ видѣшь другаго духа, я увѣренъ, что не иначе, какъ здѣсь долженъ его встрѣпшишь. — Какая глупосшь, вскричалъ вышедши изъ терпѣнія Альфонзъ! какъ можно видѣшь то, что не существуетъ? — Ахъ! Боже милосшивой! — Какъ же вы

смѣло объ этомъ говорить изволише , сударь! — Меня шакъ въ Пасшоры не увѣряшъ , чтобъ не видалъ я однажды духа!— Видѣлъ, шакъ видѣлъ, отвѣчалъ Альфонзъ, желая отвязаться отъ болтливаго своего товарища. — Я зналъ напередъ, сударь, что вы согласитесь наконецъ со мною , сказалъ радостнымъ голосомъ Яковъ; послушайте же, я вамъ расскажу, продолжалъ онъ, одну исторію, если позволите. — Ну, ну, продолжай, отвѣчалъ Альфонзъ, желая шѣмъ избавишься отъ докучливости Якова. — Яковъ посмотрѣлъ вокругъ себя изъ предосторожности , подошелъ по ближе къ Альфонзу , раза три кашлянулъ и шакъ началъ : мнѣ было 15 лѣтъ ; отецъ мой умѣлъ тогда

Въ самое сіе время услышали они звонъ колокола съ полуденной башни , унывный звукъ котораго раздался по неизмѣримому пространству влажнаго воздуха — Альфонзъ вскочилъ ; а Яковъ упалъ на дернъ , и шакъ сказалъ , оледенѣлъ отъ ужаса ! . . .

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ТРЕТІЯ.

„Какое удивительное смѣшеніе разсудка и глупости! . . .

Шекспиръ.

Графъ Бирофъ и Лореша нетерпѣливо желая знать успѣхъ Альфонзовъ, до возвращенія его не хотѣли ложиться; они полагали, что не позже часа за полночь долженъ онъ возвратиться; но проходя часъ и его нѣтъ — другой и отецъ съ дочерью начинаютъ беспокоиться. — Наконецъ вдругъ вбѣгаетъ съ видомъ ужаса Яковъ, крича Графу: ахъ, сударь! черти унесли его и заперли въ проклятомъ замкѣ! Жизнію опшвѣчаю, что не выдерется онъ опшуда — Ради Бога, побѣжимше въ сосѣдственную деревню, соберемше народа и разломаемъ замокъ . . . Графъ не понималъ ни слова; но прежде всякаго объясненія спѣшилъ подать помощь Лорешѣ, которая упала въ обморокъ — Хозяинъ поешолаго двора принесъ стаканъ холодной воды: я вѣдь говорилъ ему, такъ вѣдь не послушался шарика: это все бредни, швердили сто милость — Вотъ вышли бредни; а кабы сдѣлалъ по моему, такъ

не случилось бы того: кто скажетъ, чибобъ духъ, копорой звонилъ по ночамъ колоколъ, былъ духъ доброй — Нѣтъ онъ злой, эхидной! Погибъ мой благословенной крестникъ. — Вѣдь въ замкѣ не одинъ духъ, я ихъ видѣлъ шрехъ, подхвашилъ Яковъ: они таково же рещу, какъ ты и я — все у нихъ чловѣческое, и руки, и ноги, и глаза, все... все... Буди съ нами крестная сила, сказалъ хозяинъ; перекрестившись и взглянувши на небо. — Лореша опамятовавшись, побѣжала къ Якову: гдѣ Альфонзъ, кричала она? — Въ замкѣ ли онъ? — Тамъ, сударыня, его заперли; но не пугайшесь: духи видно не хотяшъ ему причинить зла; ибо всѣ вышли изъ замка — Говори яснѣе, вскричалъ Графъ Бирофъ, скажи, что случилось такое? Когда зазвонилъ колоколъ, сударь... А! — а! шакъ вы его слышали, подхватилъ хозяинъ, я вѣдь правду говорилъ. — Да — да, землякъ мы его слышали, и никогда не забудемъ — Божь мой! — Ну, сударь, какъ колоколъ зазвонилъ, господинъ Альфонзъ сказалъ, что въ замкѣ кто нибудь живетъ; потомъ вскочивши побѣжалъ на другую сторону замка примѣчать, не увидишь ли гдѣ огня — шакже приказалъ мнѣ

все смотрѣть на замокъ, противу котораго я стоялъ; иногда смотрѣлъ я приспально на замокъ, а иногда замуравившись, какъ будто бы окаменѣлой; наконецъ увидѣвши Альфонза, идущаго ко мнѣ, ободрился и побѣжалъ къ нему: онъ столько же видѣлъ, какъ и я, то есть ничего — Тутъ господинъ Альфонзъ поприздумался; но скоро вскричалъ, что это непоспихимо, и для того хочеть увѣриться, запершы ли двери: когда нѣшь, то возвратишся завтра одинъ домой — Я одобрилъ его намѣреніе . . . Большія двери были запершы; но мы нашли одну маленькую дверь, распершую, въ самомъ глухомъ мѣстѣ замка. — Альфонзъ не мало тому удивился; потомъ запретивши мнѣ за собою слѣдовать и приказавши себя дожидаться на дворѣ, вошелъ въ замокъ. . . . Какъ! безъ огня, спросила Лорета? — Безъ огня, сударыня — Не безпокойся, дочь моя, сказалъ Графъ Бирофъ: ему извѣстны всѣ переходы замка — Да покровительствуетъ ему Ангелъ хранитель его, вскричала Лорета слабымъ и рыданіями прерывающимся голосомъ! — Продолжай, Яковъ, сказалъ Графъ. . . Ну, сударь, такимъ то образомъ я ждалъ, ждалъ и онъ не возвра-

щался; не смѣя такъ близко стояшь отъ замка, я немного ошошелъ и сълъ прошиву той маленькой дверцы. — Не много спустя увидѣлъ выходящихъ трехъ черныхъ духовъ, о которыхъ я уже вамъ говорилъ... Трехъ духовъ, спросила въ смущенти Лореша, которая доселъ не слыкала слова Якова? — Истинно, сударыня! шо были три духа; ибо прошли мимо меня, не говоря ни слова, и даже такъ, что я не слыжалъ шаговъ ихъ; послѣдній, вышедши, зашворилъ дверцу и мнѣ послышался сшукъ ключей... Посмотрѣлъ ли ты, подлинно ли заперша была дверь? — Нѣтъ, сударь, нѣтъ, я не смѣлъ и подойти къ ней; что было бы со мною, есшьлибъ они ворошилиесь? — Научилибъ по-свойски вмѣшивашься въ дѣла ихъ! — Долго однако же дожидался я еще господина Альфонза; но видя его медленность, прибѣжалъ сюда извѣстить васъ обо всемъ... Слава Богу, я никого не повсрѣчалъ! — Пощупайка землякъ, какъ взорѣлъ бѣдной швой другъ, бѣжавши сюда, примолвилъ Яковъ, оборотивъ къ хозяину. — Графъ и Лореша смолчали другъ на друга, не говоря ни слова: они боялись вопрошашь другъ друга, боялись обнаружись такую тай-

ну, которую Альфонзъ бережно старался скрывать — Помощи ожидать имъ было не откуда. — Скоро Лорета впадала въ глубокое отчаянiе; а Графъ говорилъ о такой надеждѣ, которую самъ въ душѣ своей опровергалъ. — Черезъ часъ услышали они стукъ у двери; хозяинъ дрожа пошелъ опираться, и Альфонзъ скорыми шагами вбѣжалъ и бросился на стулъ, не примѣчая никого. — Ни поздравленiя Якова, ни Лоретины ласки долго не могли обратиться на себя взоръ его: лицо покрывалось мрачнымъ ужасомъ, глаза были опущены въ землю. . . Графъ далъ знакъ Якову и хозяину удалиться — О Альфонзъ! вскричала Лорета, обнимая его, какое новое несчастiе приключилось тебѣ? — Скажи и я раздѣлю злую участь твою! . . . Молчанiе — Прерви, продолжала Лорета, бросившись на колѣни, прерви жестокое безмолвiе; именемъ взаимной любви нашей заклинаю тебя, не терзай болѣе супругу твою! — Что могу я сдѣлать для тебя? дай мнѣ способъ, и я на все рѣшаюсь! . . . Ты будешь проклинашь меня, вскричалъ Альфонзъ, вырываясь изъ объятий Лореты; оставь меня, скоро поселю я ненависть ко мнѣ въ сердце твоёмъ —

скоро! Ахъ! ты почиашь будешь ме-
 ня ненавистнымъ человекомъ!.....
 Нѣтъ! — никогда! клянусь тебѣ драго-
 цѣннымъ для меня прахомъ машери мо-
 ей: ты будешь всегда предметомъ по-
 стоянной страсти моей. Не уже ли
 сердце нѣжное швое окаменѣло? — Ка-
 кая фурія влила въ душу швою ядови-
 тую мысль сю? — Ахъ, Альфонзъ!
 горе тебѣ, когда внимаешь ты гласу
 неиспытанныхъ предчувствій!... Ка-
 кой шигръ, а паче нѣжная супруга мо-
 жетъ равнодушно сносить мучитель-
 ное положеніе любезнаго ей предмета?
 — Еслии лютой рокъ готовишь тебѣ
 гибель — онъ и мнѣ готовишь по же
 ... Пусть жестокая рука Провидѣнія,
 поразивъ Альфонза, пронзишь стра-
 стную грудь Лоретты однимъ ударомъ
 ... Лореттѣ жить безъ Альфонза все
 то же, что умереть!... Великій Бо-
 же! воскликнулъ Альфонзъ, достоинъ
 ли я такого сокровища? — Нѣтъ! —
 истинно нѣтъ — Но, любовь Ангела
 небеснаго есть гибель для недостой-
 наго смертнаго, жестокаго ослушника,
 которой по пресшупленіямъ своимъ из-
 звалъ мать свою изъ гроба! — Да, я ее
 видѣлъ! — видѣлъ блѣдную шѣнь роди-
 шельницы моей: она... она упрекала

меня въ непослушаніи . . . Сказавъ сіе, Альфонзъ упалъ на стулъ— Сердце мое предвѣщало мнѣ такую люшую гибель, сказала Лорена, бросившись въ объятія отца своего. — Альфонзъ обратился тогда къ Лорешѣ; глаза его наполнились слезами: ахъ! вскричалъ онъ, и ты хочешь проклинашь меня? — Однакожь я всегда былъ тебѣ послушенъ . . . Скажи, что ты не будешь проклинашь меня! . . . Еще ли желаешь ты увѣреній въ любви, въ респектѣ и поспоянствѣ моемъ? — Но ты можешь премѣниться: жестокая мать моя любила меня прежде; а нынѣ одно непослушаніе! . . . Ахъ, сестрица, ты ее видѣла! — Онъ тяжко вздохнулъ, бросился на колѣни и схватя одну Лорешину руку: молись со мною, продолжалъ, молись! — проси мать мою, чтобъ она меня простила! . . . Онъ сложилъ руки и молился съ большимъ усердіемъ: всѣ призраки глубочайшаго оторченія были начертаны на лицѣ его. Ошмѣни! — ошмѣни, вскричалъ онъ наконецъ — и съ симъ словомъ упалъ безъ чувствъ на полъ. — Графъ Бирофъ позвалъ Якова, и съ помощію его перенесъ Альфонза на постель; въ продолженіе цѣлаго часа ни одинъ лучъ жизни Альфонзовой

не просіявалъ ; наконецъ открылъ онъ глаза; видъ его совсѣмъ перемѣнился: не яроснь и не ужасъ изображались; но глубокая печаль — Съ большимъ вниманіемъ смотрѣлъ онъ вокругъ себя, и увидѣвши Лорешу, далъ знакъ ей подойти къ нему — Лореша исполнила желаніе его — Не оставь меня, вскричалъ Альфонзъ, схвативъ руку ея. — Никогда. — Ахъ, я брежу — брежу, продолжалъ въ безпамятствѣ Альфонзъ. — Лореша отворошилась, желая скрыть текущія изъ глазъ ея слезы! — Альфонзъ посмотрѣлъ пристально на Графа: и въздѣсь, сказалъ онъ — ю ты Яковъ: ахъ я безпокою васъ. — Пошомъ, такъ какъ бы желая что ибудь вспомнишь, вскакиваетъ и глаза его нечувствительно перекасиваются: это было на яву, восклицаетъ онъ, не сонъ! — Дай Боже, чтобъ то была обманчивая греза!

Ночь прошла въ большомъ огорченіи и ужасныхъ безпокойствахъ: Альфонзъ порядочно отвѣчалъ на всѣ вопросы; но лишь только касалось до того предмета, которой его болѣе всего занималъ, то опять появлялось прежнее безпамятство. — Горестъ Лорешы, безпокойство Графа умножалось — Яковъ плакалъ, молился Богу, пошомъ уго-

заривалъ Лорешу, успокоивалъ Графа-
 и онъ времени до времени шпшалъ на
 ухо хозяину постоялаго двора, что на-
 вѣрно тѣ три духа, которыхъ онъ ви-
 дѣлъ выходящихъ изъ замка, испорти-
 ли Альфонза. — Хозяинъ съ своей спо-
 рѣны, будучи добросердеченъ, заклиналъ
 Графа послать за монахомъ въ мона-
 шырь Святаго Духа, дабы оной очисти-
 тель Альфонза — которой все былъ
 въ прежнемъ положеніи. — Въ полдень
 Лореша просила исполнить предложе-
 ніе хозяина, и Графъ Бирофъ, въ угож-
 деніе дочери своей, просилъ хозяина
 сходить за сказаннымъ монахомъ, но
 приѣхавшіе путешественники остано-
 вили его. — Теряшь время было очень
 опасно, и такъ за умѣренную цѣну уго-
 ворили мальчика изъ ближней деревни,
 которой на сей разъ завернулся въ по-
 стоялой дворъ, проводить Якова до
 монастыря. — Черезъ полчаса часа Яковъ
 возвратился съ монахомъ, которой хо-
 шѣлъ дать вспомошествованіе Альфон-
 зу; ибо былъ онъ довольно искусной
 врачъ. — Графъ пошелъ къ нему на
 встрѣчу и объявилъ, что причина при-
 зыва его была болѣзнь молодого чело-
 вѣка; потомъ подвелъ его къ Альфон-
 зу — Монахъ спрашивалъ Графа, не

знаетъ ли онъ подлинныхъ источниковъ, отъ которыхъ послѣдовала такая болѣзнь? — Графъ отвѣчалъ, что она послѣдовала внезапно. — Монахъ взялъ руку больного, чтобы пощупать пульсъ; сей послѣдней открылъ глаза и посмотривъ на монаха: кто ты, спросилъ онъ? — Нося одежду ушѣшишеля, принесъ ли ты мнѣ прощенье! — Простила ли она меня? . . . Успокойся, сынъ мой, имѣй надежду на Бога, и все будетъ къ лучшему! — Къ лучшему! Слыдишь подхвалилъ Альфонсъ, слыдишь обманывашь: одежда швоя должна вливать надежду въ порочное сердце преступника; для чего же языкъ швоя лукавишь? — Оставь меня, оставь несчастнаго: изъ жалости, изъ состраданія не раздирай сердце мое — не уязвляй ядовишымъ жаломъ своимъ слабую грудь мою: поди изрыгаешь желчь свою шамъ между швюмами . . . ушѣшашь чело-вѣчешво ты не способенъ . . . Потомъ зажалъ онъ руками лице свое и повернулся въ подушку. — Монахъ подошелъ тогда къ Графу и Лорсу. Въ словахъ его заключается какая нибудь тайна, сказалъ онъ — Часто ли бываешь больной въ такомъ положеніи, какъ теперь? — Въ первой еще разъ случилось — И

такъ вдругъ? — Вдругъ, отвѣчала Лорета. — Я дамъ ему успокоительныхъ капель, авось либо жаръ уменьшится; потомъ монахъ сшалъ на колѣни, просилъ Бога о неупослани помилованія и излѣченія больному, какъ отъ шѣлесныхъ, такъ и отъ душевныхъ недуговъ! — Лорета и Графъ также молились — Скоро ушелъ Монахъ и Яковъ съ нимъ же для принесенія Альфонзу обѣщаннаго монахомъ лѣкарства.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ЧЕТВЕРТАЯ.

„Половина земнаго шара обѣяла смер-
 „шнымъ сномъ! — Величественная
 „царствуетъ тишина; ужасные
 „крезы возмущаютъ челоѣковъ!
 „— Мудрый Волхвъ исправляетъ
 „служеніе блѣдной Гекаты, и
 „шѣмъ плашитъ ночную ей дань!
 „. . . Вотъ часъ, въ которой убійца
 „съ блѣднымъ, изсохшимъ лицомъ
 „просыпается отъ воя дикихъ
 „волковъ, какъ бы по сигналу —
 „Подобно коварному похишителю
 „Лукреціи, шествуетъ онъ медли-
 „тельно; едва досшупая ногою до

„земли, онъ входитъ въ мрач-
 „ность и съ яростью кидается на
 „жертву преступления своего! „

Ш е к с л и р ъ.

Когда пришелъ Яковъ, то Графъ при-
 мѣтилъ по движению его, что имѣешь
 важное ему объявишь, и шакъ не подав-
 ши подозрѣнтя, выпустилъ его на пе-
 редъ и самъ скоро вышелъ изъ комна-
 ты Альфонзовой — Ахъ сударь! вскри-
 чалъ Яковъ, увидя Графа, я очень радъ,
 что вы сюда пришли; мнѣ надобно
 много страннаго вамъ сказать, чего бы
 при дочери вашей никакъ я не объявилъ
 . . . Что такое? — Вы тотчасъ все у-
 слышите: пришедши въ монастырь,
 старой монахъ приказалъ мнѣ дожидаться
 въ трапезѣ, въ одномъ концѣ
 которой была дверь до половины расш-
 воренная, я услышалъ шумъ, произхо-
 дящій отъ разговора и смѣха множе-
 ства людей; какъ скоро монахъ вы-
 шелъ изъ трапезы, я подкрался къ д-
 вери . . . Признаюсь, любопытство мое
 было безмѣрно, скоро различилъ я одинъ
 голосъ, которой рассказывалъ сатиру
 на Папу. Глаза наша, говорилъ онъ,
 точная шарая баба, и Кардиналы всѣ

единогласно желають смерти его... Когда сей окончилъ, другой началъ говорить: нушка, братъ Францискъ, благослови насъ по чаркѣ— Охотно, отвѣчалъ прешей голосъ: здоровье того духа, которой живешъ въ замкѣ! чшобъ звонилъ онъ сполько лѣтъ, сколько мы всѣ проживемъ!— Послѣ сихъ словъ послѣдовалъ всеобщій смѣхъ, рюмки загремѣли и начался хоръ: здоровье того духа, которой живешъ въ замкѣ! — Спустия минушы двѣ, я слышалъ, какъ застучали они рюмками, спешивши я на столъ. — Что сдѣлалось съ молодымъ Графомъ, спросилъ одинъ голосъ:— Онъ... отвѣчалъ другой голосъ, котораго еще не слыхалъ я... Въ самое сіе мгновение возшелъ монахъ въ трапезу: я ошкочилъ ошъ двери, и болѣе ничего не слыхалъ. — Дѣброй монахъ проводилъ меня до самыхъ свяшыхъ воротъ монастыря... Графъ Бирофъ приказалъ Якову никуда не ошлучаться и бышь всегда въ готовности, естли Лореша кликнетъ его; а самъ пошелъ проходиться на томъ лугу, которой былъ прошивъ постоялаго двора, дабы свободнѣе обдумать слышанное имъ ошъ Якова: тошчасъ показалось ему вѣроящнымъ, чшо полночной колоколь звѣ-

нятъ монахи монастыря Святаго Духа, чѣмъ внушишь суевѣрнымъ поселянамъ мысль о зломъ духѣ, живущемъ въ замкѣ. Какая нибудь большая выгода, вскричалъ Графъ, побудила ихъ къ шуму! — Также ни мало не сомнѣвался, чѣмъ при духа, видѣнные Яковомъ, были не при монаха, которые тогда находились въ замкѣ для обыкновеннаго звона, и въ самое то время удалялись въ монастырь. — Подумавши не много, Графъ рѣшился безъ вѣдома Альфонза, Лореты и Якова постѣпнуть замкомъ; онъ справедливо предполагалъ, что дверь, въ которую вошелъ Альфонзъ, была оставлена отворенною монахами, которые никакъ не воображали, чѣмъ кто нибудь пришелъ къ такому мѣсту, которое уже давно наводило ужасъ на всѣхъ знающихъ замкомъ; но со всѣмъ тѣмъ Графъ оставался въ недоумѣніи о соснояннн Альфонза. — Видѣ трехъ монаховъ былъ столько обыкновененъ и не могъ произвести такого слѣдствія; къ тому же Альфонзъ, по словамъ Якова, не могъ видѣть монаховъ, такъ какъ и они его. — Альфонзъ пришедши говорилъ, что видѣлъ тѣнь своей матери! — Не плути ли шо монаховъ! восклицалъ Графъ,

нѣтъ — нѣтъ, я знаю бодрствѣнный духъ Альфонза: этому бытъ не возможно!... Скоро откинулъ онъ такую мысль, и не могши сдѣлать точную догадку, рѣшился, естли предписанныя оицею Николаемъ капли не по дѣйствуютъ, итти въ замокъ, и искать причинъ шайнствѣннаго звона и горестнаго Альфонзова положенія. — Лѣкарство, данное монахомъ, было усыпительное: лишь только Альфонзъ оное принялъ: то крѣпко заснулъ. — Въ полночь Графъ насилу могъ уговорить Лорешу, копорая не спала прошедшую ночь, лечь на постель и успокоиться. — Съ первыми лучами свѣта дневнаго Альфонзъ проенулся, вскочилъ съ постели и збросивши съ себя покрывало, нѣсколько минулъ стоялъ, какъ бы слушалъ что нибудь; потомъ: послушайте, воскликнулъ онъ, не она ли это говоритъ? ... Кто другъ мой! спросилъ Графъ, подходя къ постели его — Мать моя! Молчаніе — Графъ желалъ очень продолжашъ разговоръ; но не зналъ, ка ъ сдѣлать то — Хотите ли вы итти со мною въ замокъ, спросилъ Альфонзъ Графа? — За чѣмъ, развѣ мать ваша тамъ? — Нѣтъ! — Не шеперь, ошвѣчалъ Альфонзъ, указывая

на окошко, чтобъ показать о появившемся свѣтѣ. — Ночью шолько, когда все покрыто мракомъ, я ее видѣлъ; развѣ не сказывалъ я вамъ, что держала она въ рукѣ лампаду? — Нѣтъ! — Смерть изображалась на лицѣ ея — ланишы ввалились и были блѣдны: непослушаніе мое вызвало ее изъ гроба! — Ахъ! я бы хотѣлъ ее еще разъ видѣть, попросить прощенія, пастъ на колѣни, облобызавъ шѣ руки, которыя носили меня въ младенчествѣ, окропить ихъ горячими слезами отчаянія! — Когдабъ она смягчилась — скалилась; но увы! она не перемѣнитъ жестокой взоръ свой — О! мать моя! дражайшая мать! одинъ умильный взглядъ швой воскреситъ меня — Укрась уста швой нѣжною улыбкою, и сынъ швой твердою ногою спушитъ въ гробъ, мнѣ угоповленной! . . . Говорила ли она что вамъ? Я не могъ слушать, не могъ перенести страшный видъ ея. — Приложише руку вашу къ сердцу моему, какъ сильно бьется оно отъ единаго напамятованія. — Графъ приложилъ шрепещущую руку свою къ Альфонзову сердцу: не призывайше меня вторично въ замокъ, вскричалъ сей послѣдней: нѣтъ я ужъ въ немъ не буду, не удвою пресшупле-

нїя моего! — Гдѣ обрѣсти мнѣ мужественный духъ, съ каковымъ бы могъ взиращъ на нее!... Когда вы увидите мать мою, то скажите ей.... Но нѣшъ, вы ее не увидите; вы не сдѣлались ослушникомъ воли ея; она не взглянешъ на васъ съ видомъ жестокоести! — Одному мнѣ осталось выносить злополучіе мое!... Потомъ спряхаль онъ голову въ подушку свою — Графъ рѣшился болѣе не говорить съ Альфонзомъ о томъ, что такъ шогало чувствительность его. — По такому короткому разговору ничего не объяснилось, что Графъ желалъ знать, и по всему самому утвердилась въ немъ мысль посѣпить замокъ при первомъ удобномъ случаѣ и всячески спарашься обнаружить таинства Когенбургскаго замка. — Нѣсколько часовъ спустя по солнечномъ восхожденіи онецъ Николай пришелъ навѣспить больного; онъ нашелъ, что капли его подѣйствовали, и подалъ смѣлую надежду въ Альфонзовомъ выздоровленіи. — Лореша не была тогда въ комнатѣ; но узнавши о приходѣ монаха, прибѣжала и шоронливо спрашивала у врача о здоровьи своего Альфонза. — При семъ имени удивленіе начершалось на лицѣ монаха;

но скоро принявъ обыкновенный видъ, удовольствовавъ любопытство Лореттино. — Графъ Бирофъ одинъ примѣтилъ то дѣйствіе, которое Альфонзово имя произвело надъ монахомъ. — Опецъ Николай подошелъ къ постели больного, взявъ его руку съ тѣмъ, чтобъ лучше разсмотрѣть черты лица его, и, обѣдаясь приши вечеру, ушелъ. — Графъ проводилъ его до самыхъ воротъ, чтобъ помѣшать ему говорить съ хозяиномъ, и какъ скоро монахъ ушелъ, то Графъ приказалъ хозяину не сказывать никому, что Альфонзъ ходилъ въ замокъ, боясь, чтобъ такое обнаруженіе не сдѣлало новой препонъ намѣренію его. — Вечеру монахъ пришелъ. — Альфонзъ все былъ въ такомъ положеніи, что невозможно было Графу узнать точную причину его испуга и безпокойства. — Опецъ Николай сѣлъ подлѣ постели, спрашивалъ: не нашли ли хотя дальнихъ причинъ болѣзни Альфонзовой? — Графъ и Лоретта отвѣчали ему также, какъ и въ первой разъ. — Монахъ замолчалъ, видъ его показывалъ крайнюю недовѣрчивость. Издалека ли вы прѣехали, спросилъ онъ? — Не очень, мы были занѣсколько лѣтъ отсюда — По крайней мѣ-

рѣ далеко ли вы ѣдете! — Какъ скоро, отвѣчалъ Графъ, другъ мой выздоровитъ, онъ самъ расположитъ практъ нашъ — Вы путешествуете по одному удовольствію! — Графъ отвѣчалъ на сей вопросъ согласнымъ знакомъ. — Монахъ еще много спрашивалъ, но все получалъ такіе опрывистые отвѣты, которые не могли удовлетворить любопытство его — Пришла ночь и онъ ушелъ. — Лорета, не зная разговора отца своего съ Яковомъ, почла вопросы монаха однимъ пустымъ любопытствомъ. — Графъ, не желая вывести дочь свою изъ заблужденія, принималъ ихъ со всѣмъ въ другомъ видѣ. — Воображенію его представлялось, что Графъ Фридрихъ поселился въ монастырѣ Святаго Духа, для удобнаго наслажденія преступнической страсти своей! — Таковая догадка показалась Графу правдоподобною, и какъ весь комплотъ зависѣлъ отъ Монаховъ, то и почиталъ онъ нужнымъ открытъ, кто звонилъ полночный колоколъ; и такъ рѣшился, не откладывая далѣе, во всемъ увѣришься въ ту же ночь. — Монахъ во второй разъ далъ Альфонзу усыпительныхъ капель, только не столь крѣпкихъ, какъ первыя. — Обстоятельствъ

во сіе уменьшило безпокойство Графа, будучи принужденъ для исполненія предпріянія своего оставить на нѣсколько часовъ Лорешу. Онъ не хотѣлъ, чтобъ она знала ошлучку еію. — Когда ночью просила Лореша ошра своего успокоиться и пойти въ комнату свою, Графъ на то согласился, только съ тѣмъ, чтобъ Яковъ не ошлучался отъ Лорешы. — Хозяинъ посходлаго двора, снабдивши Графа фонаремъ и огнивомъ, повелъ его на мѣсто дороги, съ кошорго безъ всякаго проводника могъ дойти прямо къ замку; тамъ то Графъ заклиналъ его хранить тайну; а хозяинъ съ своей стороны просилъ всѣхъ Святыхъ защитить Графа отъ нападенія духовъ— Потомъ они разошлись: одинъ возвратился въ постоялой дворъ, а другой поспѣшалъ къ замку. — Лишь только сдѣлалъ онъ нѣсколько шаговъ, какъ вдругъ звукъ колокола поразилъ слухъ его; онъ сожалѣлъ, что удержали его въ постояломъ дворѣ; однакожъ рѣшился докончить намѣреніе свое, и для того прибавилъ шагу. — Пришедши къ стѣнамъ замка съ помощію своего фонаря обошелъ вокругъ его, искавши глазами пошвенной двери. — Вдругъ показался ему огонь въ окномъ

какъ втораго этажа , онъ останавливается; но огонь не появляется. — Онъ продолжаетъ искать желасмаго, полагая что обмануло его воображеніе. Наконецъ приходишь къ попасной двери; она заперта— Мощный ударъ руки заставляетъ ее здаться силамъ Графскимъ. — Отъ самаго сего удара свѣча въ фонарь выпадаетъ изъ своего мѣста и потухаетъ— Графъ входитъ, проходитъ нѣсколько шаговъ, слушаетъ, смотритъ : слышитъ ужасное безмолвіе ! — а видитъ мракъ ! — Возвращается назадъ, выходитъ на дворъ, зажигаетъ фонарь и держитъ оной такимъ образомъ, чтобъ при каждой минутѣ прятать подъ епанчу свою.— Онъ скоро возвращается въ замокъ , приотворяетъ дверь , такъ точно, какъ она была до прихода его — входитъ въ длинной переходъ со сводами , въ концѣ котораго на лѣвой сторонѣ находить дверь; онъ проходитъ ее и входитъ на большой дворъ замка — Сдѣлавши нѣсколько шаговъ, поднимаетъ фонарь свой , чтобъ лучше различить предметы, его окружающіе: онъ видитъ вокругъ всего двора мраморныя колонны, и изъ за нихъ большую желѣзную дверь — Въ самой серединѣ двора находить нѣсколько сту-

пеней, окруженныхъ решеткою, по обѣимъ концамъ кошорой было по одной двери высокой и узкой ; посредствомъ одной изъ сихъ дверей вошелъ Графъ на дворъ.—Взошедъ на ступени, видишь по обѣимъ сторонамъ галлерей; снова поднимаешь фонарь свой, и направляешь ходъ къ концу правой галлерей и видишь по одной двери съ каждой стороны; а галлерей оканчивалась бѣлою стѣною. — Тогда повертываешь Графа на лѣво: пространство сей галлерей было нарочитѣе первой; между тѣмъ, какъ разсматривалъ оныя ея, показалось ему видѣть на другомъ концѣ скоро проходящую стѣну. — Онъ тихо приближается; при концѣ галлерей былъ коридоръ на право, кошорой велъ сходя по ступенямъ въ другую галлерей, сходную съ прежней; въ концѣ сей галлерей дверь до половины расворенная вдругъ поражаетъ Графа; спрятавши фонарь, онъ смотришь сквозь се: все было въ темнотѣ — Опять вынимаешь фонарь свой и входишь въ великолѣпно убранной покой; ничто не доказывало, чтобъ кто въ немъ жилъ. — Не видя другаго выхода, онъ возвращается въ галлерей. Вдругъ стукъ двери не въ дальнемъ ошъ него разсшюяни привле-

каетъ на себя вниманіе Графа , и онъ пошелъ по звуку. — Галлерей, въ кошорую онъ вошелъ , оканчивалась шакъ какъ и прочія нѣсколькими ступенями внизъ въ коридоръ одинакой величины. — Подумавши не много, Графъ сошелъ по ступенямъ , прошелъ весь коридоръ и находить дверь — кладетъ фонарь подъ епанчу и располагаетъ отворить дверь: какъ вдругъ слышитъ стenanіе, кошорое показалось ему произнесеннымъ какою нибудь особою, не въ дальнемъ отъ него разстояніи находящеюся. — Онъ смотритъ вокругъ себя; но ничего не видитъ — Начинаетъ думать, что чувствуя его обманывающъ, и снова готовишся отворить дверь , какъ опять ужасный крикъ останавливаетъ его: оной производитъ изъ шой комнаты, куда намѣревался Графъ идти — Онъ прислушивается: два раза шотъ же шонъ — Нѣтъ болѣе сомнѣнія , что шонъ не производилъ изъ шой комнаты , близъ дверей кошорой онъ шойтъ — Тишина опять последовала; но скоро нѣсколько голосовъ, поющихъ вмѣстѣ, сдѣлались слышными — Удивленіе Графа умножается — Скоро голоса переменяющъ шонъ и начинаютъ церковную пѣнь — Непоколебимо шоя

въ предпріятіи своемъ, Графъ прятетъ фонарь и отворивши дверь, входитъ. — Напротивъ самой той двери, въ которую онъ вошелъ, была еще маленькая дверь, откуда произтекалъ слабый свѣтъ. — Осмотрѣвшись вокругъ себя, примѣтилъ онъ, что находится въ маленькой ризницѣ позади олтаря, къ которому вела маленькая дверь. — Онъ скоро пошелъ къ такому мѣсту, откуда можно было видѣть всю церковь: въ маленькомъ разстояніи отъ ступеней олтаря стояла на колѣняхъ близь гроба блѣдная, изсохшая фигура, держа въ лѣвой рукѣ крестъ, а въ правой бичеву (*discipline*) (*), съ другой стороны гроба стояли на колѣняхъ же три монаха... ихъ то голосъ слышалъ Графъ; они все еще пѣли— Когда же кончили всѣ трое, перекрестились и начали читать молитву, въ которой испрашивали Божественнаго милосердія виновному. — Въ самое сіе мгновеніе фигура, черная оде-

Б 2

(*) *Discipline*, плетень, бичева, которою Камолики изъ набожества бичуются.

жда кошорой не позволяла различить полъ ея, вспала и раздирала обнаженное плечо свое бичевою, держащею въ правой рукѣ. Скоро боль заставила ее испускашь глухой стонъ, слышанной Графомъ у затворенной двери. — Монахи начали другую молишву, къ которой присоединилась и мучившая себя фигура; послѣ чего они вмѣстѣ оставили церковь, уйдя въ дверь, находившуюся напросивъ самаго олшара; одивъ изъ монаховъ несъ лампаду, кошорая во время ихъ молебствія сплюла на гробѣ. — Мужественная рѣшительность Графа Бирофа узнашь о шѣхъ таинствахъ, кошорыми былъ покрытъ замокъ, умалилась при томъ видѣннн.— Церковное пѣнне монаховъ, мучительство той особы, для кошорой изспрашивали они помилованія небесъ, запрещало ему прервашъ такую жалостную церемонію, когда же она кончилась, то все желаніе его изчезло — Никакъ не могъ онъ рѣшиться предсташъ предъ такихъ людей, кошорыя имѣли основательное право упрекнуть его въ наглости, не принимая никакихъ со стороны его на то объясненій. — Нѣсколько минушь размышляя о томъ, что должно ему дѣлать, услышалъ шумъ идущихъ по

коридору людей; но скоро все утихло и Графъ положилъ, что то были уходящiе монахи; стукъ же двери, раздавшiйся по всему замку, утвердилъ его въ семъ мнѣнiи. — Онъ рѣшился взойти въ церковь, желая открыть, куда дѣвалась та фигура, которую видѣлъ въ черномъ плащѣ, полагая, самъ не зная почему, что она осталась въ замкѣ, и также думалъ, что то былъ или Графъ Фридрихъ или Графиня Анна. — По своему сужденiю полагалъ, что то былъ первой; а слова Альфонзовы доказывали о послѣдней. — Пришедши въ церковь, нашелъ онъ, что дверь, въ которую монахи ушли, была заперта. Ищешно Графъ хотѣлъ ее отпереть; — Въ самое се мгновенiе свѣтъ поразилъ глаза его; онъ спряталъ фонарь и приближившейся свѣтъ далъ ему примѣнить другую желѣзную дверь, ведущую въ узкой и длинной проходѣ, въ концѣ котораго пошчасъ показалась та же фигура съ лампадою въ рукѣ, которую видѣлъ Графъ въ церкви; она отворила ту дверь, которая была противъ него, вышла и за собою заперла. — Опяшь настала темнота. — Графъ вынулъ фонарь свой; но дверь, запертая фигурою, была ошъ него шакъ да-

леко, что съ помощію блѣднаго свѣта фонаря никакъ не могъ онъ ее увидѣшь; рѣшился однако же сыскать ее и видѣшь непременно ту особу, которая сполько возбудила въ немъ удивленія и любопытства.— Прощедши множество переходовъ и комнатъ, вошелъ онъ въ одну, съ которою соединялся кабинетъ; въ концѣ сего кабинета примѣшилъ онъ потайную лѣстницу; сойдя съ нее, очутился въ галлерей, гдѣ въ концѣ была опворена дверь въ церковь. Въ надеждѣ найти, куда скрылась упомянутая фигура, побѣжалъ онъ на другой конецъ.— Слѣды галлерей были осмиугольныя; Графъ почелъ, что находится въ одной изъ тѣхъ башенъ, которыя составляютъ четвероугольникъ замка; при всѣхъ розыскахъ не могъ онъ найти въ ней ни одной двери.—Пославивъ фонарь, шарилъ руками по стѣнѣ; скоро показалось ему будто бы оцупалъ замокъ—Онъ схватилъ фонарь; но къ величайшему огорченію увидѣлъ, что свѣтильня онаго совсѣмъ пошухала, и такъ спѣшилъ какъ можно скорѣе возвратиться въ галлерей, покуда еще не погасла свѣтильня; онъ опасался, чтобъ лишась свѣта, не проходить далѣе, искавши выхода, и не обнаружить

Лоретѣ оплучку свою. — Съ крайнею поспѣшностью подходилъ онъ къ церкви, какъ вдругъ свѣтильня фонаря погасла... Къ счастью начинало разсвѣтать; Графъ свободно сошелъ на первой дворъ твердо помня о той дорогѣ, но конюхой шелъ; пришедши къ потаенной двери, какое было его удивленіе, нашедши ее завершеною! — Тутъ началъ онъ упрекать себя, для чего не ушелъ прежде выхода монаховъ, тѣмъ болѣе, что зналъ обыкновеніе ихъ запирашь по выходѣ дверь. Возвратясь на дворъ, тщетно силился онъ отпереть большія двери: какъ же, думалъ Графъ, могъ Альфонзъ вышши спусюда послѣ монаховъ? — Мысль ея обнадеживала его найти какой нибудь выходъ, и все безнокійство состояло въ томъ, чшобъ Лорена не узнала оплучку, и не подозрѣвала причину оной. — Два часа искалъ онъ выхода, какъ вдругъ услышался ему шумъ ключей въ замкѣ потаенной двери; онъ останавливается, чшобъ лучше разслушать — все тихо по прежнему — Графъ волаталъ, чшо ему шо послъшалось, но при всемъ шомъ хочеть удостовериться въ истиннѣ, и шакъ подошедъ къ двери, находилъ ее оппершою... Объяснъ буду-

чи радостью, выскакиваетъ изъ поштенной двери и быстро лешитъ отъ замка къ постоялому двору, не изыскивая почнаго свѣдѣнiя, кѣмъ и какъ отворена дверь. Чрезвычайно уставши, прибѣгаетъ онъ въ постоялой дворъ; спросивъ хозяина, съ радостью узналъ, что объ немъ никакого безпокойства не было, даже и не встрѣнулись. — Хозяинъ по прозвѣ Графа дожидался его не спавши, за что въ награду узналъ обстоятельно объ видѣнномъ и слышанномъ Графомъ, которой окончивши рассказы, удалился отдохнувшъ. Легши въ постель, началъ размышлять о тѣхъ снѣданностяхъ, которыхъ видѣлъ въ замкѣ; сперва упрекалъ себя, для чего не узналъ онъ ничего касательно таинственнаго колокола; но скоро гласъ совѣсти далъ ему уразумѣть, что учинилъ по извѣщенiю къ духовной церемонiи — Отъ большаго возмущенiя никакъ не могъ онъ заснуть, и такъ вставши съ постели, пошелъ въ комнату Альфонзову, которой еще не проснулся — Предполагая сдѣлать вторичное испытанiе, рѣшился Графъ и объ чемъ не объявлялъ дочери и зятю своему. — Альфонзъ хотя давно проснулся, но долго не говорилъ ни слова;

наконецъ подозвавъ Лорешу и лобызая ее со слезами: здѣсь ли доброй монахъ, спросилъ онъ? — Конечно не замедлишь, отвѣчала Лореша. — Я желаю, чтобъ пришелъ онъ скорѣе, хочу ошкрыть ему тайну сердца моего, и когда молишвы его не изпросятъ мнѣ прощенія, то по крайней мѣрѣ совѣшты его будутъ мнѣ полезны. — Альфонзъ! сказала Лореша, супругъ мой! не уже ли недостойна я швоей довѣренности? — Любовь моя къ тебѣ, отвѣчалъ Альфонзъ, принуждаетъ меня скрывать отъ тебя пагубную тайну сію — Не думай, чтобъ я меньше тебя спрадала! — Довольно того, что ты злополученъ; я раздѣляю скорѣе твою болье, чѣмъ ты предполагаешь: да будутъ залогомъ истинны словъ сихъ текуція изъ глазъ моихъ слезы! . . . Какое добродушіе! — О жертва ошчаянія! — Для чего въ замѣнъ шрасшвой любви швоей вовлекъ я тебя во злополучіе? — Что сказалъ ты: все счастье мое въ тебѣ! . . . Кто разрушилъ блаженство дней моихъ? — Только ты не осмивай меня! Лореша силилась удержатъ текуція слезы по ланишамъ ея . . . Я боюсь сказать много, подхвалилъ Альфонзъ, смотря на Лорешу: не уже ли сказалъ я тебѣ —

причину горести моей? — Ахъ! — Для чего сказалъ я то? — Забудь все — заклинаю тебя, забудь! — Никогда, никогда — Память моя меня оставляетъ, едва я узнаю самъ себя! — всѣ чувства мои волнуясь! — Лореша — дражайшая Лореша! знай, я видѣлъ твою материю моей! — Лореша не знала, что опивчась, искала въ глазахъ отца своего опвѣта, но скоро примѣтила смущение и Графа. — Въ эту минуточку дверь опворяется и Опещъ Николай выводитъ ихъ изъ смущения — Монахъ садился близь постели больного напрошивъ Лорешы: здравствуй, сынъ мой! сказалъ онъ Альфонзу: Богъ свыше ниспосылаетъ тебѣ благословение Свое! — Вы имѣете сколько сострадательности, сказалъ Альфонзъ, обернувшись къ монаху, что нечестно обо мнѣ! — Я не преспану возсылать молебны къ пресполу величія Божія объ тебѣ, сынъ мой! — Обѣщайтесь мнѣ хранить тайну моей печали! — Хранить тайны есть священнѣйшій долгъ мой: говори, сынъ мой! — имѣй довѣренность къ сану моему! . . . Поди же нынѣшнюю ночь въ Когенбургской замокъ; когда полночной колоколъ зазвонитъ, ты найдешь похаенную дверь опворенную; взойдя въ церковь

изпроси у штіни мащери моеѣ миѣ про-
 шеніе . . . Естьли ты не уридишь , то
 она услышитъ тебя; ибо живишь въ за-
 мкѣ: скажи ей, что раскаиваюсь о во-
 рочномъ посѣщеніи моемъ , хоня и не
 ошкрывъ я ничего желаемого — Укрѣ-
 ес, что гнѣвъ ея причинитъ миѣ смерть!
 . . . Испинно ли вы насаѣдникъ Котен-
 бургекаго замка, спросилъ монахъ? —
 кошорато вѣѣ чершы означали удоволь-
 ствие , смѣшанное съ удивленіемъ. —
 Нѣтъ! — нѣтъ , я только несчастной,
 оставленный , погибшій Альфонзъ! —
 Проклятіе мащери моеѣ виситъ надъ
 главою моею! — Когда были вы въ за-
 мкѣ, спросилъ монахъ? — Альфонзъ ош-
 вѣчалъ, что не упомяну — За день пе-
 редъ симъ, подхвашилъ Графъ — Лорета
 ошшедши отъ постели, подошла къ
 окошку; Отецъ Николай подошелъ къ
 ей: не жена ли ты молодого этого
 человека? — Такъ, бапюшка — О бошри
 слезы свои, ободрись: дни благополу-
 чія грядутъ тебѣ! . . . Дай Богъ, ба-
 пюшка, чтобъ то было испинна! . . .
 Положись на промыселъ Вышняго: О ъ
 избралъ меня для сей священной тай-
 вы! — Злополучія ваши скоро кон-
 чашся! — Пошомъ подошелъ онъ къ по-
 шселѣ: я помолюсь о тебѣ, сынъ мой!

— Успокойся, положишься на друга своего; я приду нынѣ же къ тебѣ, а между тѣмъ оспавайтесь съ миромъ— Простите! — Онъ ушелъ и слова его долго были предметомъ размышленій оспавшихся въ постояломъ дворѣ.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ПЯТАЯ.

„Во всей вселенной вижу я одну
 „тѣнь окровавленную убитаго су-
 „пруга моего! — Слышу ужа-
 „сный смерти гласъ! — Ахъ!
 „разверсый гробъ мой давно
 „ждешь меня нешерпѣливо! „

Р о в е.

Ввечеру Опецъ Николай пришелъ въ постоялой дворъ; онъ нашелъ Альфонза вставшимъ; но воображеніе его было все удручено недугами. Знавалъ ли ты мать мою, сказалъ онъ вошедшему монаху? — Знавалъ, отвѣчалъ Опецъ Николай: не уже ли, примолвилъ онъ, вы меня не узнаете? — Нѣтъ! — нѣтъ, я не знаю васъ — Разсудокъ мой возмущенъ— Простите меня: какъ зовушь

васъ? — Опдемъ Николаемъ, и я былъ
 духовникомъ мащери швоей! — Теперь
 вспомнилъ, сказалъ Альфонзъ и взявъ
 въ молчаніи руку монаха, поцѣловалъ
 ее: видѣли ли вы мащю мою въ послѣд-
 нія минушы жизни ея, продолжалъ онъ?
 желала она когда увидѣть сына сво-
 его? — Молчаніе — Вы знаете участие
 мою? — Знаю — Для чего изгнала она
 меня отъ себя, отъ нежности своей?
 Несчастной Альфонзъ! — Жестокая
 мащю! — Убійенной Опець! — Боже все-
 сильный! обнаружь мнѣ убійцу отца
 моего: клятва моя коснулась престола
 Твоего; ее долженъ я свершить и сно-
 ва клянусь!... Монахъ остановилъ
 Альфонза: успокойся, сынъ мой! ты
 не возвратишь жизнь отца швоего, про-
 ливши кровь ближняго! — Для чего хо-
 чешь обогришь порочною кровію не-
 винныя руки швои? — Такъ, шакъ,
 бащюшка! — Небо само накажетъ убій-
 цу — накажетъ по нелицепріятой спра-
 ведливости; но ахъ! — когда необко-
 димо надлежало отцу моему пощбнуть,
 для чего не подпалъ онъ подъ крово-
 жаждущую руку другаго? — Монахъ
 шякко вздохнулъ. — Всѣ шѣ, продол-
 жалъ Альфонзъ, всѣ шѣ, кошорые зна-
 ли Графа Фридриха, могли ли повѣришь,

чтобъ сдѣлался онъ братоубійцею! — Еслили вы такъ думаете, подхватилъ монахъ, то клеветаете память покойнаго! — Онъ умеръ! — Умеръ! такъ, я одинъ живу — живу для того, чтобъ сносишь бремя печалей, меня удручающихъ! — Я помню однакожъ, что мать моя, приказывая мнѣ удалиться, говорила о невинности его; но сама прежде потишала убійцею Фридриха — Какая ужасная тайна! — Молчаніе — Когда вы утверждаете, воскликнулъ Альфонсъ, его невинность, то покажите мнѣ преступника, заклинаю васъ, покажите мнѣ того, котораго долженъ ненавидѣть. — Ахъ! соорудите ему мщеніе мое — водите мужественною рукою мою! — Оставьте, сынъ мой, презрительную мысль о мщеніи: законъ Вышняго Существа повелѣваетъ любить намъ и злодѣевъ нашихъ! — Кто же имѣетъ болѣе дѣйствія надъ сердцами нашими, какъ не мучительное угрызеніе совѣсти: собственное раскаяніе убійцы будетъ мстить ему за преступленіе его! — Ахъ, баюшка! могли послѣдовать гласу совѣщей вашихъ? сердце мое обливается кровью преданной мысли о смерти онца моего! — Подкрѣпите себя, сынъ мой! чѣмъ болѣе испытаній здѣсь, тѣмъ приму-

щественнѣ награда въ вѣчности! Есть ли однако же кто изъ насъ, которой бы всегда соблюдалъ правила истиннаго Христіанина!—Мать моя знала ли убійцу отца моего, вскричала Альфонсъ, не вслушавшись въ слова монаха?—Молчаніе —Ахъ! скажите скорѣе, что она его убила! . . . Терзайте сердце мое, довершайте раковой ударъ: смерть будетъ мнѣ небеснымъ и восхищительнымъ даромъ! — И не лучше ли умереть, чѣмъ мучиться таинственными неизвѣстностями! Чувствительный монахъ не могъ удержанъ слезъ своихъ, онъ плакалъ: желали ли вы бы лучше, чтобы былъ живъ на пь оупецъ, хотя и не лѣзя будетъ вамъ его видѣть, чѣмъ вспоминать о смерти его? — Небо тому свидѣтель — И еслили удаленіе ваше могло служить ему единственнѣмъ утѣшеніемъ, исполнили ли вы желаніе его съ обыкновенною сыновією горячностью? — Я бы почелъ себя счастливымъ, еслибы могъ узнать, что оупецъ мой живъ еще; но что значатъ вопросы сии, когда я уже знаю достоверно о смерти отца моего! — Для чего хотите вы заблудить воображеніе мое? — Полагаете ли вы, что и мать ваша имѣетъ надъ послушаніемъ вашимъ какое же пра-

во? — Ахъ, не оскорбляйте меня, перестаньте упрекать въ непослушаніи моемъ: по влеченію чувствъ моихъ сдѣлался я пресступникомъ! — Подкрѣпите себя теперь мужествомъ исполнить повелѣніе матери вашей — Что хотите вы сказать? — объяснитесь, заклинаю васъ! . . . Знайте же, что мать ваша жива; но вамъ не льзя ее видѣть! . . . До сихъ поръ Альфонзъ казался спокойнымъ; она жива! вскричалъ онъ въ страшномъ волненіи, попомъ бросился на колѣни и подвѣмля руки къ небу: благодѣтельный Ангелъ! благодарю тебя, продолжалъ онъ: ее видѣлъ я! — Непослушаніе мое не изпоргло ее изъ гроба! — не смерти взоръ поразилъ меня! — О Боже! милосердіе Твое неисповѣдимо! . . . Слезы градомъ полились по блѣдному лицу его; онъ-то успокоили возмущеніе сердечное его — Молчаніе продолжалось долго; наконецъ Альфонзъ прервалъ оно: не уже ли, вскричалъ онъ, не могу я хоть одинъ разъ ее видѣть — и испросить прощеніе? — Вы прощены, я могу васъ въ томъ увѣрить, отвѣчалъ монахъ — Скажите же, для чего не хотите она меня видѣть? — Ахъ! сколь ни сильно чувствованіе ещесства и послушанія, я

перемогу себя, не стану дѣлать уси-
 лій ее видѣть! — Причины ея намѣре-
 нія справедливы; она просила меня
 объявить ихъ вамъ, и я не сомнѣваюсь,
 чтобъ узнавши вы не одобрили тако-
 вую рѣшимельность! — Продолжайте,
 продолжайте — Имѣете ли довольно
 мужества выслушать ужасное повѣсп-
 вование, котораго всякое обсвоивель-
 ство касается до васъ? — Говорите :
 несчастье ко всему приутоновило меня!
 Я не почиаю нужнымъ просить жену
 о сзереженіи такой шайны, которая
 касается до мужа ея, сказалъ монахъ,
 смотря на Лорешу; попомъ взглянулъ
 и на Графа, которой потчасъ понялъ,
 что хотѣлъ онъ сказать. Будьте увѣре-
 ны, сказалъ онъ скоро монаху, Альфонзъ
 ни мало не сомнѣвается въ скромности
 шестя своего — Монахъ былъ шѣмъ до-
 воленъ и началъ слѣдующее :

По смерти шетки вашей, супруги
 Графа Фридриха де Когенбургъ, попече-
 ние, оказываемое матерью вашею о пле-
 мянникахъ своихъ, показалось Графу,
 опцу вашему, признакомъ тайной любви
 жены своей ко Графу Фридриху. Но не
 иная пому была причина, какъ врож-
 денной недовѣрчивой нравъ его, склон-
 ной къ ревнивости — Что же касается

домашери и дяди вашего, то я увѣренъ въ невинности ихъ. — Въ печеніи трехъ лѣтъ дядя вашъ лишился всѣхъ дѣшей своихъ; не могли спокойно жить въ такомъ мѣсѣ, гдѣ напоминало ему все о злополучіяхъ, рѣшился онъ путешествовать. — Онъ уѣхалъ въ Венецію и тамъ случаемъ увидѣлъ молодую особу; ее почелъ онъ опредѣленною судьбою для замяты потерь его; но скупой отецъ принудилъ дочь свою выйти за мужъ за какого-то чловека, котораго она ненавидѣла. — Скоро сія молодая особа съѣздила изъ Венеціи. Всѣ путешественія и поиски дяди вашего остались тщетными, и онъ не могъ открыть убійца своей любезной. — Въ сіе время монахъ примѣтилъ смущеніе Графа Бирофа и Лореты; прервавъ свое повѣствованіе, спрашивалъ онъ о причинѣ того? — Графъ Бирофъ въ короткихъ словахъ все объявилъ; монахъ тому не мало удивлялся, и потомъ уведомилъ Графа Бирсфа, что по ошѣздѣ его изъ Венеціи Аріено распустилъ слухъ, что зять его убилъ, вызвавъ на дуель, сына Сенаторскаго, и потомъ уѣхалъ въ Испанію съ женою своею, и такъ всѣ поиски Графа Фридриха распространялись въ всѣ Государствѣ. — Графъ Бирсфъ

зналъ очень Аріено, чтобъ усомнишься въ истиннѣ сего, и такъ просилъ монаха продолжать. Всякой разъ, продолжалъ Опець Николай, относясь къ Альфонзу, когда дядя вашъ возвращался въ Германію, боязнь отца вашего умножалась. — Спустия нѣсколько лѣтъ послѣ многихъ путешествій возвратился дядя вашъ съ совершенною рѣшительностію оставить всѣ щещные помысли. Онъ удалился въ домъ свой въ намѣреніи жить, удалясь отъ свѣта, и единственно ходилъ онъ только въ замокъ брата своего. — Всякое посѣщеніе усугубляло сомнѣніе отца вашего, и хотя онъ былъ всегда въ присутствіи, когда Фридрихъ бывалъ вмѣстѣ съ женою его; но все не могъ увѣришься, чтобъ не скрывалась у нихъ тайная связь. Наконецъ не могли выносить мучительную неизвѣстность рѣшился пояснить сомнѣнія свои; ибо по воображенію своему не могъ онъ быть покоенъ прежде произведенія въ дѣйствіе намѣренія своего, и такъ распустилъ ложный слухъ, что важное дѣло призывало его въ Вѣну; всѣ ему повѣрили. — Наканунѣ своего отъѣзда, онъ посѣтилъ брата, объявилъ, что имѣешь важное ему сказать, и для шого шре-

бозалъ отъ него помощи. Графъ Фридрихъ обѣщался все исполнить — и по требованію отца вашего далъ кляпву въ молчаливости. — Тогда Графъ Альфонсъ сказалъ о подозрѣніи своемъ, касательно вѣрности жены — Дядя вашъ показалъ знаки большаго удивленія и спрашивалъ, кого можетъ онъ подозрѣвать? — Я знаю, отвѣчалъ отецъ вашъ, моего совмѣстника, эшаго довольно; прозѣба моя соспоишь въ помѣ, чпобѣ во время моей оплучки ты примѣчалъ за поспунками жены моей, употреблялъ бы всѣ способы обнаружитъ преступленіе ея, и по прїѣздѣ моемъ всю испинну мнѣ объявилъ. — Назавтра, день жестокій! — отецъ вашъ оставилъ замокъ, взявши съ собою одного ешараго Роберта, на скромность котораго надѣялся, — прїѣхалъ въ избушку еспры моей, опстоящей на 15 лію отъ замка къ сѣверу. — Я былъ соучастникомъ тайны отца вашего и по прозѣбѣ его исполнялъ все нужное для предпрїятія нашего. — Цѣлые два мѣсяца несчастная мать ваша принуждена была выносить притворныя ласки, которыя ей оказывалъ дядя вашъ въ угожденіе своему брашу. Дядя вашъ нѣсколько разъ писалъ къ брашу своему; письма его

заклучали въ себѣ похвалу вѣрности Графини Анны. — Въ послѣднемъ письмѣ своемъ шѣмъ болѣе доказывалъ онъ неосновательность подозрѣній Графа, что въ замокъ никто кромѣ его и меня не входилъ съ самаго отъѣзда отца вашего. — Письма сии производили совсѣмъ противное дѣйствіе надъ Графомъ Альфонзомъ, каковое предполагалъ Фридрихъ. — Наконецъ день, въ которой отецъ вашъ предполагалъ быть благополучнѣйшимъ или несчастнѣйшимъ человекомъ въ свѣтѣ, насталъ. — Робертъ, такъ какъ уже положено было, прежде возвратился въ замокъ и объявилъ, что господинъ его былъ умерщвленъ въ Вольфскомъ лѣсу, возвращаясь изъ Бѣны. — Всѣ дѣйствія Фридриховы во время отъсудствія отца вашего внушили матери вашей мысль, что онъ сдѣлался брашубійцею! — Такъ, вскричалъ Альфонсъ, какъ я помню еще, какъ она обвиняла его въ преступленіи — и тогда поклялся... Не говорите болѣе о томъ теперь, сказалъ монахъ, основывая Альфонза: выслушай сынъ мой свѣдѣніе концы сего дѣйствія: когда Графъ Фридрихъ пришелъ въ замокъ, вы увидѣли его одного съ матерью вашею, которая упрекала его въ

преступленіи — Онъ клялся , увѣрялъ • невинности своей , потомъ возобновилъ любовныя объясненія и ушелъ. — На другой день , вы конечно помните , онъ пришелъ опять въ замокъ , и снова началъ говорить о сираспи своей — Графиня бросилась на колѣни и заклинала его не возобновлять болѣе мученіе , которое заставляетъ онъ се претерпѣвать. — Въ самую сію минушу , такъ какъ мать ваша сказывала мнѣ , вы вошли въ комнату! — Пришла ночь ; я провелъ отца вашего въ замокъ такъ , что никто шого не примѣшилъ. — Легко можете вообразить , что онъ никакъ не вѣрилъ нисьмамъ брата своего и слѣдовательно хотѣлъ испытать лично справедливость какъ его , такъ и вѣрность жены своей. — Въ полночь сдѣлавшійся шорохъ въ комнатѣ поразилъ мать вашу ; она вскричала , но въ самое сіе время голосъ , которой приняла она за голосъ Графа Фридриха , относился къ ней съ любовнымъ объясненіемъ — Она вскакиваетъ съ постели — Человѣкъ , голосъ котораго она слышала , подходитъ къ ней и беретъ лѣвую руку ея. — Она же правою рукою схватываетъ съ стола , стоящаго близъ кровати ея , кинжалъ , которой пригошови-

ла она для защищенія себя отъ Фридриховой накучливости— и вдругъ поражаетъ съ яростью въ грудь человѣка, кошорой держалъ лѣвую руку ея ! — Въ продолженіи оспальнаго времени ночи она думала, что убила Графа Фридриха ; но увы ! — первые дневные лучи открыли глазамъ ея супруга, плавающего въ крови ! — Вспомнивъ объ клятвѣ, кошорую взяла съ васъ, она не жопѣла, чтобъ сынъ ее былъ убійца матери своей ! . . . Теперь вы знаете лучше меня остальные обспоятельство ужаснаго утра сего ? — О Боже ! вскричалъ Альфонзъ съ чувствомъ чрезвычайнаго опчаянія ! для чего прежде не вѣдалъ я всего бремени злополучія ! — Предвѣчное Существо ! просни несчастную мать мою ! — забудь заблужденіе отца моего ! — Ахъ ! опче свяшій ! вы правду говорили : конечно не захочу я послушаться повелѣнія матери моей ! — Непослушаніе мое будетъ смершнымъ ударомъ, какъ ей, такъ и мнѣ ! . . . Увы ! клятва моя ! . . . Не могъ онъ болѣе продолжать и упалъ безъ чувствъ въ руки Графа Бирофа. — Пришедши въ себя : о ! злополучный Альфонзъ, вскричалъ онъ ! избирай, ежели можешь, или сдѣлаешься убійцею матери, или кляш-

вопреступникомъ!—Еще произнесъ онъ нѣскольکو словъ; но по причинѣ рыданій ничего не можно было слышать. — Успокойся, сынъ мой, сказалъ монахъ: Церковь имѣетъ власъ, я тебя увѣрю, уничтожитъ кляшву твою! — Обогрѣнная кровію руки!— Я еще вижу — хопѣлъ ее облобызавъ въ послѣдней разѣ; но она отшожнула сына своего! — Молчаніе — Какой ужасъ!— Я клялся прекраиить жизнь шой, кошорая даровала мнѣ бытіе — Я содрагаюсь! — Безразсудный! для чего почипалъ я себя прежде сего злополучнымъ?— Нѣтъ! —нѣтъ, и теперъ я не несчастливъ!— Ничшо не испортнешъ ее изъ объятій моихъ! . . . Выговоря сіи слова, бѣжидъ къ Дорешѣ, обнимаешъ ее и попомъ возвращедешся къ монаху; продолжайше, баиушка! я все гошовъ слушаешъ— Терзайше разсудокъ и чувствительность мою! — Ради Бога, продолжайше! . . . Въ короткихъ словахъ окончу 'я повѣствованіе мое: мать ваша прислала за мною очень рано и объявила убивство свое и слѣдствія онаго — Скоро послѣ того Графъ Фридрихъ пришелъ въ замокъ; я объяснилъ ему печальное происшествіе. — Никогда не видалъ я человека, кошорой бы сколько огорчил-

ся; тотчасъ признался онъ о причинахъ, побудившихъ его дѣлать матери вашей мнимыя любовныя объясненія, проклиная при томъ самаго себя, что былъ слѣпымъ орудіемъ порочной ревности брата своего. — Графиня просила меня искусно скрыть прямую смерть мужа ея, и припомъ также распустишь слухъ о ея смерти — Для сего надлежало мнѣ ввести въ комplotъ нашъ нѣсколькихъ сотоварищей моихъ, монаховъ монастыря Святаго Духа. Похороны матери вашей были устроены со всею пышностью, такъ какъ-бы она подлинно умерла. — По окончаніи похоронъ вы не появлялись; Графъ Фридрихъ, дядя вашъ, объявилъ желаніе окончить дни свои въ монастырѣ Святаго Петра. Тогда-то всѣ служители были распущены, а двери замка заперты. — Мать ваша удалилась въ ту комнашу, къ которой ведетъ потаенная дверь полуденной башни; я каждой день носилъ ей провизіи — Ночью того дня, въ которой всѣ люди изъ замка распущены, я пришелъ къ ней. — Она сказала мнѣ, что рѣшилась провести жизнь свою одна въ замкѣ. — Я старался отъратить ее отъ такого предпріяшя; но видя непреклонность ея, рѣшился

молчать — Страніемъ Роберта перенесенъ былъ съ церемоніею изъ Вольфскаго лѣсу въ замокъ гробъ— Положивъ оной трунѣ покойнаго ошда вашего, мы спряшали оной въ шощъ погребѣ, что подѣ церковью; но Графиня пошребовала, чтообѣ гробъ посшавленъ былъ въ еамой церккви, и съ шѣхъ порѣ она проводилъ цѣлыя ночи въ молишвѣ, и сама себя добровольно мучилъ.— Такъ, я ее видѣлъ! она, казалось мнѣ, выходила изъ гроба, вскричалъ Альфонзъ! — А полночной колоколь, спросилъ Графъ Биррофъ? — Она его звонилъ, подхватилъ монахъ, съ шѣмъ, чтообѣ ошдалишъ всѣхъ ошъ замка и увѣрилъ суевѣрныхъ сосѣдей, что въ замкѣ живеть духъ; шакже симъ звономъ призываетъ она къ себѣ двухъ монаховъ по очереди изъ монаштыря нашего, которые приходлтъ въ замокъ со мною для соединенія Свяшыхъ молишвъ своихъ съ ея молишвами надѣ гробомъ покойнаго Графа Альфонза!— Но васѣ не было при ней, еказалъ Альфонзъ, когда посѣщалъ я замокъ? — Мы удалились изъ замка; а она оставалась при гробѣ. — Какъ же вы это знаете? — Она объявила мнѣ, что въ ту ночь, когда вы посѣщали замокъ, видѣла она человекъ, вошедша-

то нѣсколько шаговъ въ церковь, потомъ съ ужасомъ убѣжавшаго, увидѣвши ее! — О ужасная ночь! — Горесипное воспоминовеніе! жестокая мука! — Какимъ же образомъ удалились вы изъ замка, спросилъ Опець Николай? — Ужасъ и безпамятство придали мнѣ силы; я выломилъ окно, которое было на большой дворъ, и въ оное спасся. — Графъ Фридрихъ, дядя вашъ, продолжалъ монахъ, удалился въ монастырь Святаго Пала и не долго жилъ. — Съ самой смерти отца вашего монахи монастыря Святаго Духа въ вознагражденіе за ночныя посѣщенія и молитвы пользовались, съ позволенія Графини, всѣми доходами съ земель, принадлежащихъ покойному Графу де Когенбургу. — Я часто заклиналъ ее, отыскавъ васъ, утвердиль во всѣхъ слѣдующихъ вамъ правахъ; но заблудившейся разсудокъ ея всегда предложеніе мое опровергалъ. — Вчерась утромъ я посѣтилъ ее одинъ, чтобъ сказать ей о подозрѣніи моемъ, которое въ меня внушило имя ваше и нѣкоторыя слова, у васъ въ безпамятствѣ вылетѣвшія: я говорилъ ей, что почитаю сына ея по близости замка. — Не между ли трехъ и четырехъ часовъ, перехватилъ Графъ, были вы въ

замкѣ?—Согласный отвѣтъ монаха объяснилъ Графу, почему нашелъ онъ опворенную пошасенную дверь— Мать ваша, продолжалъ монахъ, сперва усумнилъсь очень въ словахъ моихъ; попомъ просила меня, естли подозрѣнія мои справедливы, объявишь вамъ, чшобъ вы съ нею не видались. — Упренный разговоръ мой съ вами уничтожилъ все сомнѣнія мои. — Въ полдень я посѣпилъ еще мать вашу; къ величайшему моему удивленію она спокойно меня выслушала; но много плакала — узнавши, что видѣла васъ и не распознала. — Она сообщила мнѣ желаніе свое ввести васъ во все права, и самой удалиться. Разговоръ сей ~~окончала она~~ прозьбою, чшобъ узнавши всю плачевную исторію ея, вы не дѣлали бы усилія видѣть мать свою! — Альфонзъ не могъ ничего говорить; едва слышалъ онъ послѣднія слова Отца Николая. — Монахъ совѣщивалъ ему успокоиться — Альфонзъ легъ въ постель; цѣлую ночь не говорилъ онъ ни слова. — Сдѣлавши маленькое утѣшительное привѣщствіе Лорешъ, кошорая заливалась горькими слезами, и сказавши Графу Бирофу, что нужное дѣло призываетъ его, увѣривши, что придетъ завтра поущру очень ра-

но, Отецъ Николай оставилъ постоя-
лой дворъ, благословя всѣхъ живущихъ
въ немъ. — Ночная тишина была пре-
рывается только размышлениями, какъ
Графа, такъ и дочери его о всѣхъ об-
стоятельствахъ, сказанныхъ монахомъ;
также тяжкіе вздохи Альфонзовы воз-
мущали безмолвіе мрачной ночи. — Въ
десять часовъ поутру пришелъ доброй
монахъ; ~~Альфонзъ два часа спалъ слад-~~
~~кимъ сномъ.~~ — У Графа съ монахомъ на-
чалась большая матерія, которая бы-
ла пресѣчена вошедшею Лоретою; она
объявила, что Альфонзъ проснулся и
желаетъ видѣть Отца Николая. Они во-
шли къ больному: башюшка, вскричалъ
Альфонзъ, увидѣвши монаха: вы мнѣ
не сказали, куда укрывалась мать моя?
~~— Когда оставилъ я васъ вчера, она~~
все еще была въ замкѣ; но нынѣшнею
ночью отвезъ я ее въ монастырь Пре-
святой Дѣвы Маріи, отстоящій от-
сюда на семь лю; тамъ положено пра-
вилкомъ, что вошедшая туда уже не
можетъ видѣться ни съ какимъ мужчи-
ною! — Прощаясь съ вами, не уже ли
не вспомнила обо мнѣ? — Она препору-
чила мнѣ сказать вамъ, что не благо-
словляетъ васъ, боясь навлечь на сына
своего гнѣвъ Божій, и для того пре-

поручила она васъ молишвамъ моимъ ,
 прося любезнаго ей сына и жену его
 когда нибудь съ сожалѣнiемъ взглянушь
 на портретъ сей — Съ симъ словомъ
 монахъ ошдалъ Альфонзу миниатюрной
 портретъ машери его. — Съ чувстви-
 шельносношю Альфонзъ посмошрѣлъ и
 облобызалъ его. Просши ей , Боже ми-
 лосердый ! вскричалъ онъ. — Маленькая
 лешочка привязана была къ портрету ;
 онъ надѣлъ ее на шею и положилъ пор-
 третъ на грудь : покойся съ миромъ
 здѣсь ! вскричалъ онъ со слезами ! о ба-
 бяшка ! — машушка ! — Ешълибъ поч-
 шенныя шѣни ваши могли въ день
 страшный соединишья въ счастли-
 вомъ обшалищѣ Ангеловъ , шакъ какъ
 образъ любезный ~~и драгоцѣнный~~ вашъ
 соединенъ и начершанъ во глубинѣ сер-
 да моего ! —

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ШЕСТАЯ.

„Счастливы смертные безконечно
 „шф, которыхъ благотворитель-
 „ная планета соединила нераз-
 „рывными узами! — Судьба ихъ
 „взаимна, сердца сопряжены,
 „благополучие общее — Существо
 „ихъ есть одно существо! — „

Г о л л с о н ъ.

Черезъ нѣсколько дней здоровье Альфонзо позволило ему вторично посѣтить замокъ Когенбургской. По приказанію Отца Николая гробъ, заключающій прахъ покойнаго Графа Альфонза, былъ перенесенъ въ погребъ ~~подъ церковью~~ — Много протекло времени прежде того, пока Альфонзъ могъ собраться съ бодростью духа, взойши въ церковъ и шу комнату, гдѣ онъ спалъ всю ночь, когда мать его пришедши къ нему, отдала тайный приказъ удалиться изъ замка. — Графъ Бирофъ и Отецъ Николай взяли необходимую поправку замка. — Когда узналъ Яковъ о томъ, что Альфонзъ вступилъ во всѣ права надъ имуществомъ покойнаго отца своего, то радостно

его была безмѣрна; не могли изъяснить словами восторга своего Альфонзу и Лорешѣ, онѣ пѣлъ, плясалъ предъ ними. — По причинѣ частыхъ посѣщеній Отца Николая сосѣдственныхъ деревень въ качествѣ духовника, онѣ зналъ поведеніе многихъ поселянъ, и шакъ легко было ему избрать изъ оныхъ число надобныхъ Альфонзу служителей въ замокъ. — Не забылъ онѣ шакже уменьшишь удивленіе всѣхъ о внезапномъ явленіи наследника Графовъ Когенбургскихъ. — Въ тошъ день, когда назначилъ Альфонзѣ переѣздѣ свой въ обиталищѣ предковъ его, принялъ онѣ поздравленіе отъ всѣхъ монаховъ монастыря Святаго Духа. — Умолчимъ заѣсь, какими глазами монахи смѣтрѣли на Альфонза! — Когда ушли они изъ замка, Яковъ споялъ въ одномъ углу двора: а! а! дружки! кричалъ онѣ имъ въ слѣдъ, смѣючись: вы пили за здоровье того духа, кошорой живешъ въ замкѣ — Пѣйше теперь за здоровье новаго Графа! ... Отецъ Николай не теряя времени написалъ письмо къ Епископу, объясняя кляшву Альфонзову и прося его принять подъ покровительство церкви. — Скоро Альфонзѣ получилъ разрѣшеніе, шолько съ шѣмъ условіемъ, чшобъ удѣ-

лишь часть изъ ежегодныхъ доходовъ своихъ на содержаніе бѣдныхъ монаховъ одного монастыря; также осужденъ онъ былъ на легкое покаяніе.— Живучи три мѣсяца въ Когенбургскомъ замкѣ, благополучіе заславляло Альфонза испребитъ изъ памяти своей прошедшее — какъ однимъ днемъ Яковъ запыхавшись вбѣжалъ въ залу и кричалъ Графу Бирофу: ахъ, сударь! какое благополучіе! — Слава Богу! шеперь только одинъ остался у насъ непріятель, дядя мой, Яковъ Пермешъ въ Басшилїи — Графъ спѣшилъ спросить его о причинѣ такой внезапной радости; Яковъ не много отъ усталости отдохнулъ, потомъ вскричалъ: знайте, сударь, что Кроонзеръ со всею шайкою своею сосланъ на галеры — Почему ты это знаешь, спросилъ Графъ? — Послушайте, сударь! я ходилъ въ томъ маленькой поешоялой дворъ (это была обыкновенная прогулка Якова съ шѣхъ поръ, какъ сдѣлался онъ искреннимъ другомъ хозяину); между шѣмъ, какъ я тамъ былъ, сударь, прїѣхалъ какой-то господинъ — Чшо новаго, спросилъ его хозяинъ? — Господинъ отвѣчалъ, что недавно переловили шайку разбойниковъ въ сшаромъ замкѣ, ошшоющемъ

на день ѣзды отъ Инспрука— Понявши слова его : какъ же переловили ихъ , спросилъ я?— Одинъ дворянинъ, отъѣчалъ пошъ пріѣзжій господинъ, ѣхавши по той дорогѣ , былъ окруженъ ими ; служители его схватили одного разбойника, которой во всемъ и признался — Всѣ разбойники по показанію одного были пойманы, и также Ашаманъ ихъ. Императоръ осудилъ ихъ на продажу Туркамъ въ неволю. — Графъ Бирофъ былъ очень доволенъ , что опасность его миновалась , шѣмъ болѣе , что тщетны остались угрозы Кроонзеровы. — Альфонзъ послалъ въ Италію повѣренную отъ себя особу для узнанія, ~~живъ ли еще~~ Графъ Аріено?— Есшьли онъ живъ, то располагался онъ ѣхать въ Венецію съ Лорешою, которую почиталъ онъ истинною наследницею имѣній Графа Аріено. Онъ воображалъ, что дѣдъ ее приметъ хорошо; но посланный возвратился съ весьма печальнымъ извѣстіемъ , что Графъ Аріено, будучи признанъ за соучастника шамошняго Сенатора, промотавшаго значную сумму общественныхъ денегъ, умеръ на эшафотѣ, и что все имущество его было обращено въ казну. — Графъ Бирофъ и дочь его не могли у-

держашь слезъ своихъ о злобной недоспойной участи чловѣка, котораго вся жизнь была цѣпью новыхъ мучительствъ для снраждающаго чловѣчества! . . . Графиня Анна прожила только нѣсколько мѣсяцевъ въ убѣжище, ею избранномъ для оспальныхъ дней своихъ. — Можешь бышь Богъ, по милосердію Своему, ~~просишь ей~~ невольное преступленіе ея. — Альфонзъ плакалъ; но слезы его осушены были мыслію, что смерть сдѣлала конецъ мученіямъ несчастной матери. — Нѣсколько лѣтъ спустя, неожиданной случай соединилъ Альфонза съ Барономъ де Смальдаршомъ; время смягчило ту ярость, которая возмущала сердце сего почтеннаго ~~старца послѣ смерти~~ наглаго Теодора. — Альфонзъ всегда желалъ изъявлять чувствительную благодарность благодѣтелю своему. — Они опяшь подружились, будучи оба довольны шѣмъ. — Баронъ съ удовольствіемъ согласился на приглашеніе Альфонза, ѣхашь въ Когенбургской замокъ: чувствительное сердце его было расстрогано шѣмъ восхищительнымъ зрѣлищемъ, котораго былъ онъ самъ свидѣтель. — Альфонзъ и Лорета жили въ изобиліи и во всякомъ благополучи. — Графъ Бирофъ

будучи почитаемъ зятемъ и любимъ дочерью, ласкалъ маленькижъ внучатъ своихъ — сихъ невинныхъ швореній, счастливыхъ подъ призоромъ нѣжной машери и добраго ошца. — Спрашитесь, друзья мои! швердилъ часно Альфонзъ дѣшямъ своимъ, когда пришаи они въ возрастѣ: спрашитесь недовѣрчивости и ревнивости: онѣ раждзюшѣ преступленія — и сами суть преступленія! — Невинный по внушенію ихъ дѣлается преступникомъ — онѣ ведутъ человека къ преждевременной гибели — къ гробу! — Ядовитая отрасль ихъ распространяется далеко — на многихъ!... Недовѣрчивость и ревнивость суть фуріи — ~~дщери ада!~~ — ~~Любовь къ ближнему~~ была, сшъ и будешъ всегда любезная дщерь неба!...

КОНЕЦЪ ЧЕТВЕРТОЙ И ПОСЛѢДНЕЙ ЧАСТИ.